

Костёр
1
ЯНВАРЬ
1965

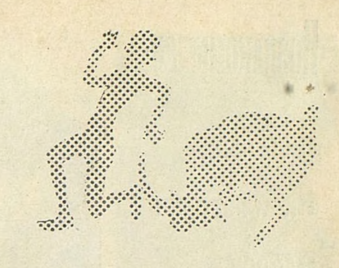
Кудлатые сосны,
гривастые ели
вас доверху снегом
метели одели!
Стоите вы строги
и величавы
вдоль белой дороги
и слева
и справа!
Облиты луною
леса и поселок,
и встали стеною
сугробы у елок.
И справа
и слева —
снега голубые.
Серебряный Север,
тебя полюбил я
за красные зори
над кронами сосен,
что в снежном уборе
стоят на откосе,
за светлую синь
на озерных просторах,
за искристый иней,
безмолвие бора
и лосьи следы
меж кустарников редких...
Люблю этот край —
до снежинки на ветке!

Иван Демьянов

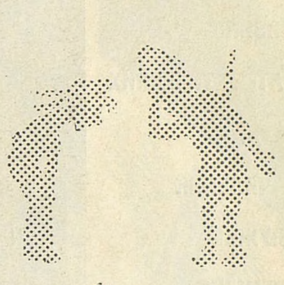
Фото Л. Коровина

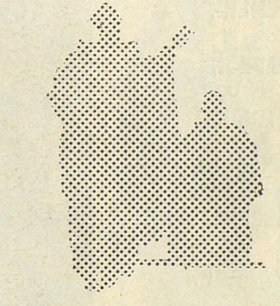

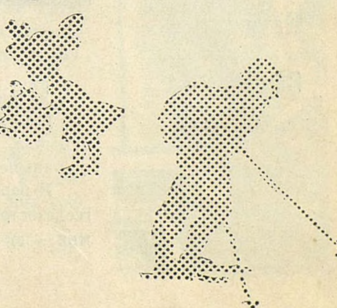
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

На обложке гравюра Н. Седикова ***„Фидель Кастро в комнате В. И. Ленина в Смольном“***

Познакомьтесь:

Николай Никифорович Павлов, доктор физико-математических наук, начальник службы времени главной астрономической обсерватории Академии Наук СССР

Итак, дорогие друзья, с новым, 1965 годом!

Моя профессия — астрономия. Сказать по правде, я не долго раздумывал, выбирая себе профессию. Астрономом я решил стать гораздо раньше, чем кончил школу, примерно, в вашем возрасте.

И первые лекции по астрономии прочел мне отец, он был военным геодезистом, составлял и проверял карты. А в этих занятиях астрономия — первая помощница.

Вскоре после того, как Сибирь освободили от белых, я получил задание проверить при помощи астрономических наблюдений старые карты Сибири. Несколько лет я занимался этим в разных сибирских местах.

Старые карты оказались неточными. Некоторые деревни пришлось передвинуть на 25 километров. И даже река Лена сделала пятикилометровый шаг в сторону.

Потом я приехал в Ленинград и поступил в аспирантуру Пулковской обсерватории. Это было в 1926 году, с тех пор и работаю здесь, на Пулковском холме, в крупнейшей русской обсерватории, о которой, конечно же, все вы слышали.

Когда я начинал свою работу, службу времени несли особые маятниковые часы — они измеряли время с точностью до сотой доли секунды.

Потом появились кварцевые часы — это уже очень сложное устройство. Иногда его части прячутся глубоко под землей, вот у нас, например, — на глубине в сорок пять метров. Это затем, чтобы никакие капризы погоды на часы не влияли. А другая, наземная часть часов похожа, пожалуй, больше всего на шкаф. Так вот, кварцевые часы вылавливают даже десятитысячные доли секунды. Но позже и они показались астрономам неточными. И тогда были созданы атомные часы.

Сейчас мы монтируем новый образец таких часов. Извольте взглянуть. Это уже целая комната. Скажу вам прямо, во всех этих проводах, катушках, лампах, панелях могут разобраться только специалисты. Огромный труд пошел на создание этих часов. Но их точность будет превышать все достигнутое до сих пор, ее даже и определить-то трудно. Она будет равняться секунде, деленной на десять с десятью нолями.

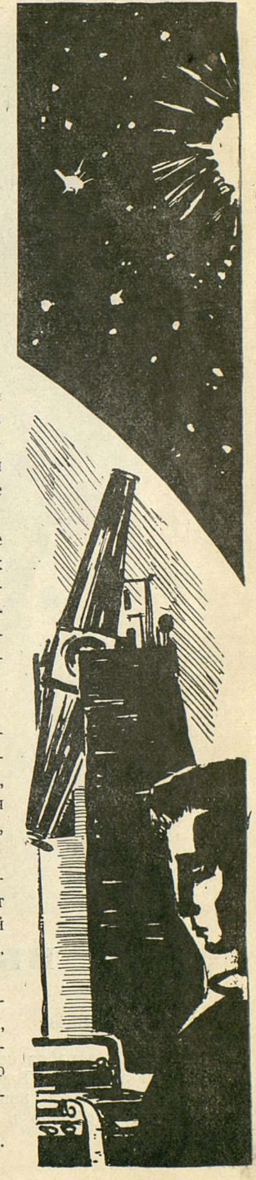
Вот какая битва идет за микроскопические кусочки времени.

Время — это тоже добро, без него, как и без бетона, металла, дерева, сделать ничего нельзя. Подумайте-ка, что прежде всего необходимо, чтобы создать такие разные вещи — космический корабль, книгу, школу, ботинки, мыслящую электронную машину, колос пшеницы? Для этого прежде всего нужно время. Значит, время такая же ценность, как и все прочие, из которых эти вещи делаются.

И если кто-нибудь из вас потеряет свое время, то даже мы, работники Времени, не сможем ему помочь. И даже атомные часы будут бессильны. Бессильны будут все наши приборы, все вместе и каждый отдельно; они не сумеют вернуть раззяве, растерявшему свое время, ни одной секунды.

И пусть в нашем распоряжении находятся разные сорта времени — Всемирное Время, которое мы измеряем по скорости вращения Земли, Эфемеридное Время — оно рассчитывается по движению Луны, Атомное Время — оно определяется спектром некоторых веществ, — все это не утешение для тех, кто разбазаривает Время. Потому что у них время только одного сорта — потерянное.

Итак, — будьте в новом году хорошими хозяевами своего времени.

ВЫБОРГСКАЯ СТОРОНА

Из книги „ДЕНЬ ПЕРВЫЙ"

Леонид Радищев

Рисунки Г. Праксейна

В конце декабря семнадцатого года на одном из заседаний Выборгского районного совета обсуждался вопрос, который выглядел не совсем обычно в те напряженно-суровые дни.

Слушали: о встрече Первого Советского Нового года.

Постановили: 1) организовать встречу так, как это достойно великой исторической даты; 2) местом встречи избрать актовый зал быв-

шего Михайловского юнкерского училища; 3) послать приглашение товарищам Ленину и Крупской; 4) казначею райсовета И. Гордиенко отпустить необходимые средства; 5) составление программы поручить председателю культкомиссии райсовета Лебедеву К. и поставить его отчет на ближайшем заседании.

Председатель культкомиссии был очень молодой и очень пылкий товарищ, страстный театрал, поклонник всех искусств. Даже в официальных бумагах его запросто именовали товарищем Костей.

Уже через несколько дней товарищ Костя представил проект новогоднего вечера, который нельзя было не признать грандиозным: опера «Сорочинская ярмарка» в концертном исполнении артистов бывших императорских театров, инсценировка «Прощание со старым годом», праздничная елка, танцы под духовой оркестр.

Программа эта, как стали позже выражаться, была одобрена в основном. Сомнение вызвали два ее пункта — праздничная елка и танцы. Насчет елки мнение присутствующих было единодушным: ввиду того, что обычай устройства елки связан с религиозным праздником бывшего рождества христова, считать подобное мероприятие неуместным.

В связи с танцами на заседании вспыхнула жаркая дискуссия. Некоторые товарищи высказались в том смысле, что танцы являются наследием свергнутого буржуазно-помещичьего строя. Другие доказывали, что и народ любит потанцевать. Эта точка зрения нашла поддержку большинства, но тут один из присутствующих выступил с заявлением такого рода: если товарищи Ленин и Крупская смогут откликнуться на приглашение выборжцев и будут присутствовать на вечере, то как взглянется им на все эти вальсы, польки и краковяки?

— Очень хорошо взглянется! — решительно заявил Иван Чугурин, старый партиец, встречавшийся с Лениным еще в Парижской эмиграции. — Ильич любит жизнь, и этим все сказано. Пусть молодежь танцует!

Так решился этот вопрос, который особенно волновал товарища Костю, яро защищавшего интересы молодежи. Теперь можно было вплотную браться за выполнение порученной ему задачи.

Нам, жителям шестидесятых годов, сейчас почти невозможно представить, как трудна была эта задача. В городе, объявленном на военном положении, голодном и промерзшем, с наглухо заколоченными витринами магазинов, почти не имеющем света, воды, топлива и средств передвижения, требовалось сотворить чудо: добыть хоть из-под земли доски, гвозди, краски, сценический реквизит, материал для занавеса, дрова, чтобы хоть немного отопить огромный концертный зал, и для типографии нужно было достать топливо — иначе не напечатают пригласительные билеты, — а ведь все хотелось устроить по-настоящему, широко, празднично.

И еще нужно было найти плотников и полотеров, электриков и музыкантов, художника и настройщика и вести сложные переговоры с артистами бывших императорских театров, быть и дипломатом, и агитатором, и расчетливым хозяйственником. Деньги почти ничего не значили в ту пору, а возможности для вознаграждения продуктами были у Кости весьма мизерны...

Квадратное солнце

Наиболее легко и благополучно разрешилось дело с музыкантами: выручили боевые товарищи из Московского пулеметного полка, расквартированного на Выборгской стороне — обещали прислать духовой оркестр. И с художником на редкость повезло: нашелся художник, представитель нового, революционного искусства, как его отрекомендовали, — мрачный юноша с дикой шевелюрой и в блузе из мешковины, — который согласился совершенно безвозмездно оформить и зал и сцену.

Единственное его условие было таково: он рисует при закрытых дверях — иначе говоря, никто не должен видеть его труды до их полного завершения. Товарищ Костя с готовностью согласился: лично ему, единственному, было дозволено заглядывать изредка в зал и на сцену.

Остальные товарищи из культкомиссии, разумеется, проявляли законный интерес к тому, как продвигается художественное оформление. Особенно напирал казначей Илья Митрофанович Гордиенко, он же Батько — так его прозвали еще в подполье за черные, запорожские усы. Дело тут было, конечно, не в каком-то недоверии, но все же Батьку хотелось узнать, каковы результаты от израсходованных государственных средств.

Всем этим любопытным товарищам предсе-

датель культкомиссии со значительным видом объяснял:

— Творческий процесс. Понимать надо. Нельзя вторгаться. Но зато уж рисует, доложу я вам...

Здесь Костя начинал задыхаться от восторга, ему не хватало слов, и он убегал.

Вот так и случилось, что культкомиссия смогла заглянуть в зал чуть ли не за полчаса до начала вечера. Когда члены культкомиссии вошли в зал, разом вспыхнули все источники света (особая договоренность с электростанцией) и глазам присутствующих открылось «устрашающее зрелище», как вспоминал потом Батько Гордиенко: занавес представлял собой нечто, похожее на серую, глухую стену, на которой выступали разноцветные разводы плесени.

Но главное творение таинственного художника помещалось в центре большого полотнища, укрепленного над занавесом. Это был густо намалеванный малиново-красный квадрат, от которого во все стороны расходились лучи, похожие на оглобли. По бокам квадрата, упираясь в него ногами, лежали на спинах два человекоподобных существа в синих робах.

Дико перекошенные физиономии этих странных существ походили на отражения в кривых зеркалах Народного дома — излюбленного развлечения петроградцев. Но там это было смешно и весело, а здесь...

— Здесь мы видим перед собой произведение нового, революционного искусства, — заговорил Костя тоном музейного экскурсовода, — идея, заложенная в нем, такая: для нас все так же солнце станет... Вот здесь вы видите это самое солнце с лучами... К сожалению, художник не успел оформить колонны...

Потрясенная культкомиссия безмолвствовала. Первым заговорил Батько Гордиенко, как всегда, в минуты волнения, вмешивая в свою речь украинские слова.

— Це солнце? — подступил он к Косте. — Ха, да ты что, смеешься? Ты бачил такое солнце на небе? Бачил, я тебя спрашиваю?

— Не надо все понимать так буквально! — нервно ответил Костя, — это называется футуризм! Происходит от слова «футурум», что означает будущее... И, конечно, тут требуется известная подготовка...

— А ты, значит, подготовился! — нахмурился Батько, — теперь понятно, почему тот хвутурист от людей ховался, — он обернулся к членам культкомиссии, — скажите, други, что теперь будем делать?!

Но делать что-либо было поздно. Уже заняли свои места контролеры, и до начала вечера оставалось считанное время...

Дорогие гости

Последний вечер старого года ничем не отличался от других декабрьских вечеров. Так же темно и пусто было на улицах Петрограда. Пронзительный ветер свистел в прямых, строгих улицах, сдувая колючий снег с ледяной поверхности Невы. И странным, неправдоподобным выглядело в этой бескрайней тьме огромное здание с ярко освещенными окнами, с зажженными фонарями у подъезда.

В бывшее Михайловское юнкерское училище пришли невиданные гости — металлисты со старого «Лесснера», рабочие с «Айваза», «Нобеля», «Парвиайнена», ткачихи с большой Сампсониевской мануфактуры. Рядом с солдатскими гимнастерками, обмотками, рабочими блузами, грубыми сапогами — давно не надеванные костюмы, воротнички, галстуки-бабочки, прически, туфли на каблучках.

Белоколонный зал сверкает огнями и чистотой. Зрители нетерпеливо поглядывают на свежесколоченную досчатую сцену, где настраивает инструменты оркестр. И всюду — в фойе, в зале, на сцене, за кулисами — мелькает фигура Кости Лебедева в наутюженной черной паре.

Начинается праздничный концерт. Все идет отлично, замечательно, но устроители встречи в напряженном волнении. То один, то другой спускаются вниз, выходят на набережную. Она все так же пустынна. Квадраты света лежат на снегу, но достаточно отойти немного в сторону и сразу погружаешься в темноту. Только на том берегу Невы, за Литейным мостом, видно шевелящееся огненно-рыжее пятно — это красногвардейский пост разжег костер.

Отзвучала «Сорочинская ярмарка», на сцене появляется «Старый год» — в зипуне, в мохнатой шапке, с клюкой и произносит прощальную речь: да, прошло его время, пора уходить, но он надеется, что не зря пожил на свете и что будет чем помянуть его в грядущих веках.

В зале раздвигают стулья, освобождают место для танцев, на сцене размещаются музыканты. Взмахнул палочкой капельмейстер,

и первые пары заскользили по натертому паркетному полу...

Время летит. Уже половина первого. Нет, не смогут, наверное, приехать сегодня дорогие гости из Смольного.

Батько Гордиенко собрался уходить. Одежда у него в артистической, за сценой. Чтобы не пробираться одетым через зал, не мешать танцующим, он решает пройти черным ходом. Здесь, на узкой полутемной лестнице, тускло светит угольная лампочка.

Навстречу ему поднимаются двое — шапки, воротники у них запорошены снегом. Батько прислоняется к перилам. Кто бы это мог быть в такой поздний час?

И вдруг сердце у него начинает стучать гораздо сильнее, чем ему положено:

— Владимир Ильич! Надежда Константиновна! Почему здесь? Мы ждали вашу машину с набережной.

— Заехали как-то неудачно, не с той стороны... еле нашли эту лестницу. — Ленин стряхивает снег с воротника, здоровается с Батьком. — Извините, что так запоздали, раньше никак не могли...

У Батька дрожат руки от радости, вот счастье-то, что не успел уйти. Он ведет гостей в коридор. Их встречают мощные раскаты духового оркестра, дружное притоптывание каблуков, в зале отплясывают лихую польку.

Вспомнив дискуссию о танцах, Батько осторожно поглядывает на Ленина.

— Весело у вас! — одобрительно улыбается Владимир Ильич. — А нельзя пройти как-нибудь этак... понезаметнее?

— Понезаметнее? — Батько задумывается. — Разве что через сцену?

Они идут к лесенке, ведущей на сцену. Навстречу попадается товарищ Костя — одновременно и сияющий, и страшно озабоченный. Батько тянет его за рукав, говорит на ухо коротко, быстро:

— Оркестру — «Интернационал»!

Костя бросает молниеносный взгляд на гостей, круто поворачивается и взбегает по лесенке. Гости поднимаются на сцену. Идут, стараясь держаться поближе к стенке. И вдруг смолкает оркестр. Танцующие пары недоуменно останавливаются: что такое? Ведь танец не закончился!

Неожиданно, на полную мощь, гремит меднотрубный «Интернационал». Короткое замешательство — и точно прибой устремился к сцене. Гремят такие аплодисменты, которых никогда не слыхивал этот зал. Теперь уже никуда не укрыться дорогим гостям. Владимир Ильич покачивает головой, улыбается уголками глаз. Перехитрили все-таки! На воротнике у него еще поблескивают нерастаявшие снежинки.

А шквал аплодисментов гремит все сильнее.

Владимир Ильич подходит к краю сцены, вынимает часы, показывает на них. Он поздравляет выборжцев с Новым годом, говорит о трудном и необыкновенном счастье строить новое, еще не виданное в истории государство трудящихся. О том, что молодой советской республике придется отстаивать себя в тяжелой борьбе, но что народ, который создал Советскую власть, не может быть побежден...

На тур вальса

Комнату, расположенную сбоку от сцены, устроители вечера постановили считать буфетом. Здесь имеются стулья, столы и на одном из них — небольшой кипящий самовар. Угощение поставлено богатое — чай настоящей заварки, ржаные сухари, липкие конфеты-подушечки.

Много знакомых оказалось здесь у Владимира Ильича и Надежды Константиновны, много нашлось общих воспоминаний. Были среди приглашенных и те самые красногвардейцы с «Парвиайнена», которые летом несли охрану Ленина, когда он жил у своих, на Петроградской стороне, на Широкой улице. И сейчас они напомнили ему об одном чаепитии, которое было там однажды.

— Помню, помню! — засмеялся Владимир Ильич.

Охранять Ленина приходилось незаметно, — очень уж он не любил этого.

Как-то, воспользовавшись отсутствием брата, Мария Ильинична позвала красногвардейцев попить чайку. Только уселись за стол, как неожиданно вернулся Ленин. «А-а, товарищи выборжцы! Очень приятно!» — и тоже присел выпить стакан чаю. Глаза у него хитро щурились: «Так, так! Из вашего разговора я вижу, что пришли вы не ко мне, да и не к Марии Ильиничне. Уж не занимаетесь ли вы охраной моей персоны?»

Разумеется, выборжцы отнекивались — кстати сказать, очень неумело — и, конечно, были разоблачены вместе с Марией Ильиничной.

— Маша, не отпирайся! Ты вместе с ними в заговоре! Я же знаю!..

Сейчас, вспомнив об этом случае, посмеялись, а потом один из красногвардейцев сказал:

— Слыхали мы, товарищ Ленин, что вы попрежнему пренебрегаете охраной, а бываете везде и всюду!

— Вы что же, хотите, чтобы меня держали в коробочке? — отшутился Ленин, а потом добавил уже серьезно: — мы не имеем права отсиживаться и прятаться. Мы обязаны постоянно встречаться с народом. Иначе не может быть и не должно быть!..

А рядом, за дверью буфета, гремел оркестр, танцы следовали один за другим. Гости вышли посидеть в зал, посмотреть на танцующих.

Не сговариваясь, десятки рук бережно подняли их на воздух вместе со стульями и стали «качать».

— Товарищи, товарищи, — шутил Владимир Ильич, — не слишком ли высоко вы меня возносите?!. С Надеждой Константиновной полегче... как бы голова у нее не закружилась...

Тем временем дирижер танцев — молодой человек с безукоризненным пробором, с пышным бантом в петлице — громко объявил «Березку».

Молоденькая ткачиха подошла к Ленину:

— Владимир Ильич, разрешите Вас пригласить?!

— Надя, ты слышишь, меня приглашают на тур вальса! — Ленин повернулся к смущенной девушке. — К сожалению, не могу принять ваше приглашение — не умею! Но сейчас мы это поправим!

Придерживая девушку под руку, он подвел ее к дирижеру танцев:

— Вот вам кавалер для вальса!

Эту девушку, работницу ниточной фабрики, все звали тогда Валечкой, и было ей шестнадцать лет. Она прожила большую жизнь: продотряды, фронт, долгие годы на производстве, общественная и педагогическая работа — все это вошло в ее биографию. И уже в наши дни нам довелось слышать от Валентины Карповны Чураковой о той навсегда памятной новогодней встрече.

Три часа пятнадцать минут в Новом году

Около трех ночи Ленин и Крупская собрались уезжать; об этом Владимир Ильич потихоньку сообщил кое-кому из выборжцев.

— Только уж теперь без оркестра, прошу вас. А то начнем прощаться и всех спугнем. Думаю, на нас не обидятся за такой уход.

Так и сделали. Сопровождаемые Батьком Гордиенко, Костей Лебедевым и еще несколькими товарищами гости незаметно ушли тем же черным ходом.

Погода переломилась. Потеплело, падал мягкий снег, и от него ночь сделалась светлее. У видавшего виды лимузина, на котором ездил председатель Совнаркома, возился шофер.

— Хороший был у вас вечер, товарищи выборжцы, очень хороший, — сказал Ленин, — но немножко, по правде говоря, вы и обмишурились. Не объясните ли вы мне, что это за чудовища развешаны у вас над сценой? Прямо какие-то ночные кошмары!

Товарищи выборжцы молчали.

Много лет спустя, когда черные, запорожские усы у Батька Гордиенко стали уже белыми, он рассказывал нам, людям другого поколения, об этом коротком разговоре с Владимиром Ильичем.

— Поглядел я на Костю, — рассказывал Батько, — и чую, как тот хлопец сварился — вот-вот дым с него пойдет! Хотел я его «выдать», чтоб он высказал Ильичу про эту самую «хвутуризму», да пожалел — уж больно растерялся парень!.. Хорошо еще, думаю, что Ильич занавеса не видел — он был поднят весь вечер. Да и колонны не успел футурист обработать — тоже удача...

— Мои собеседники молчат?! — Ленин подождал секунду, — ну, что ж, я бы на вашем месте тоже затруднился ответить, что означает многокрасочная пачкотня. А ведь мы, товарищи выборжцы, великое искусство не отменяли. Оно для нас остается образцом. Хорошая картина приносит человеку радость, согласны? А тут? Если по-честному...

— Ошибочка вышла, Владимир Ильич! — мрачно пробасил Батько Гордиенко.

— Ошибочка, говорите? — быстро повернулся к нему Ленин, — тогда следует ее немедля исправить. Знаете, что я бы сделал на вашем месте? Быстрехонько убрал бы эту, с позволения сказать, живопись, пока рабочие не рассмотрели ее как следует. Они вас освищут, ей-ей! А все остальное было хорошо! Отличный, отличный вечер!

Приглушенно постукивающий мотор громко затарахтел. Ленин сердечно попрощался с провожающими. С трудом преодолевая снежные завалы, машина выбралась на набережную.

За Литейным мостом, на повороте к Шпалерной улице, от ярко пылавшего костра отделилась фигура в тулупе, опоясанная солдатским ремнем, с винтовкой на плече. Шофер затормозил, протянул удостоверение.

Пожилой красногвардеец долго рассматривал книжечку в матерчатом переплетике, потом обернулся к товарищам и сказал вполголоса:

— Ребята! Ильич!

Красногвардейцы, сидевшие у костра, поднялись. И точно в ответ на их невысказанное желание, отворилась дверца машины.

— С Новым годом, товарищи! — звучно произнес Ленин. — И с новым счастьем!

— И Вас также, товарищ Ленин! — ответил за всех пожилой красногвардеец. — Дай бог и вам... — он запнулся, крякнул с досады и сконфуженно пробормотал, — оговорился... по старой привычке...

Владимир Ильич улыбчиво сощурился:

— А костер у вас богатый, товарищи! Вы, кажется, растапливаете его железнодорожными шпалами?!

Пожилой красногвардеец шагнул к машине:

— Шпалы эти бракованные, Владимир Ильич! — взволнованно заговорил он. — В дело уже не годны! Они свое отслужили... Вот мы их и жгем понемногу...

— Понятно! Принял к сведению! — улыбнулся Ленин, — но какое освещение! Прямо хоть газету читай! — он расстегнул пальто, достал часы на ремешке. — Мы с вами прожили в новом году три часа и пятнадцать минут... Надо спешить. До свидания, товарищи!

Красногвардейцы молча смотрели вслед отъехавшей машине. Вот она, нечаянная и такая волнующая новогодняя радость — минутка с Лениным. И как замечательно, что мы знаем о ней. На всю жизнь сохранил ее в памяти один из красногвардейцев — теперь уже пожилой и заслуженный генерал. Но глаза его блестят совсем молодо, когда он рассказывает о той далекой минутке.

Клуб Юных Корреспондентов

Наш компас необычный. С его помощью можно найти не только север и юг, запад и восток. Стрелка нашего компаса безошибочно укажет, где интересно и смешно, где страшно и опасно. Зато она решительно отвернется от всего скучного и занудного.

Не правда ли, такой компас каждому пригодится. И в лесу и в поле, и в лагере и в школе! Сегодня вы сами убедитесь, как точно действует наш замечательный компас.

Несколько месяцев тому назад пятьсот юнкоров, вооружившись компасом «Костра», отправились в экспедицию. Восемьдесят девять уже вернулись с богатой добычей: приключениями, находками, происшествиями. От остальных путешественников известий пока нет. Но редакция надеется, что компас выведет и их на верную дорогу.

ВНИМАНИЕ! НАЧИНАЕМ СЛЕТ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ «КОМПАС»!

СТРЕЛКА КОМПАСА УКАЗЫВАЕТ НА УКРАИНУ. БЕРЕГ ШИРОКОЙ РЕКИ, ЗАБОЛОЧЕННЫЙ ЛУГ, ТИШИНА... СТОЙТЕ! КТО ЭТО ОСТОРОЖНО ПРОБИРАЕТСЯ СКВОЗЬ КУСТЫ С ДУХОВЫМ РУЖЬЕМ НАПЕРЕВЕС! ДА ЭТО КИЕВЛЯНИН ВОЛОДЯ БРЕХОВ! ЧЕЛОВЕК ОТПРАВИЛСЯ...

НА ПЕРВУЮ ОХОТУ

Я много раз просил папу взять меня на охоту. И вот моя мечта сбылась. Я собрал необходимые вещи, почистил свое духовое ружье. Едем!

Приехали на место поздно. Переночевали в хате. На рассвете пришли на заболоченный луг. Над нами пролетали дикие утки. Но стрелять было еще запрещено, потому что охота начиналась ровно в шесть вечера. Мы засели в камышах.

Выстрелы загремели неожиданно и так же неожиданно смолкли. Неподалеку от нас пасся табун лошадей. Напуганные стрельбой лошади стали носиться по лугу. Вместо охоты на уток нам пришлось отгонять лошадей. Тем временем утки исчезли.

Под вечер на луг опустился туман. И тут началось! Утки стали прилетать стаями и садиться на болото, где их ожидали охотники. Утки с большой скоростью пролетали над головами. Некоторые, сраженные меткой дробью, камнем падали в камыши. От шума канонады и свиста крыльев я закрыл уши. Так и стоял, пока не кончилась стрельба.

На страницу 12

г. Ленинград
Таврическая ул. 37
журн. „Костёр."
Алишер Юнусов.
село Вуадиль
Ферганская об.

г. Ленинград
„Костёр."
Ирина Поджигина.

г. Ленинград
Таврическая ул. 37
жур. „Костёр."
Ира Антипова
Днепропет

г. Ленинград
„Костер."
Оля Сергиенко
село Шекаловка
Воронежская

г. Ленинград
Таврическая 37.
„Костёр."
Валя Сидкина
Джамбулская
к-з Трудови

г. Ленинград.
еская ул. д. 37.
„Костёр."
г. Чебоксары
Володя
Павло

г. Ленинград
журн. „Костер".
Алеша Власов.

г. Ленинград.
Таврическая
ул. д. 37.
жур. Костёр
Саша Подин
Село Сарканд
Алма-Атинск

г. Ленинград
Таврическая ул. 37.
„Костер"
Вова Брехов.
Киев.

КЮК

На следующий день папа исполнил мое второе желание. Он дал мне выстрелить из настоящего охотничьего ружья. Это было так. Я сел на корточки и долго прицеливался в утку, потом нажал на спуск. Сильный толчок в плечо сбил меня с ног. Когда я опомнился, то увидел улетающую утку. Сам я лежу на траве, возле меня валяется ружье. Вокруг все смеются.

Домой мы привезли шесть уток и одного бекаса. Охота мне очень понравилась. И я, когда вырасту, стану настоящим охотником.

«СТРАШНО!» — СИГНАЛИЗИРУЕТ СТРЕЛКА КОМПАСА. ОЧЕНЬ СТРАННО: НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ИЗ ИВАНОВА ИРА ПОДЖИГИНА — ЧЕЛОВЕК ВЕСЕЛЫЙ. ИРА ОБЫЧНО ПИШЕТ ФЕЛЬЕТОНЫ. ПОСМОТРИМ, ЧТО ЭТО ЗА...

СТРАШНАЯ НОЧЬ

В родительский день ребята так наелись гостинцев, что к ужину почти никто не притронулся.

...Ночь. В палате темно и тихо. Оля рассказывает очередную сказку.

— И вот в по-о-лночь из моги-илы показа-а-лся скелет, весь в белом. Он ме-е-дленно поднимается и скрип...

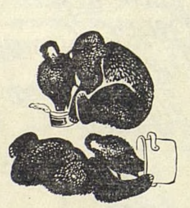
В гнетущей тишине послышался скрип. Какое-то большое белое пятно показалось в углу около двери, потом вдруг зашуршала бумага... Некто направился к первой кровати...

— Ой, кто это! — закричали девочки.

Прибежала пионервожатая, включила свет, и все увидели Нину с конфетами в руках. Это ей ночью гостинцев захотелось.

А КУДА ОТПРАВИЛСЯ САША ПОДИН ИЗ СЕЛА САРКАНД АЛМА-АТИНСКОЙ ОБЛАСТИ! ПРИХВАТИВ С СОБОЙ НАШ КОМПАС, ОН ИСЧЕЗ С ТОВАРИЩАМИ...

В ГОРАХ ТЯНЬ-ШАНЯ

И вот мы туристы в горах Тянь-Шаня. Мы прибыли сюда по поручению геологической экспедиции искать образцы и, где найдем, ставить туры, пирамиды из камней. Разделились на две группы и двинулись. Первая группа — Васька, Миша-младший, Гриша и капитан группы Вадим — движется по дну ущелья. Вторая группа — Миша-старший, Володька, я и Руслан — по отрогам. Цель у нас общая — Пограничный хребет.

Двенадцать часов. Большой привал в сосновом бору. Я с Мишкой готовлю пищу, а Володька и Руслан пошли в малинник. Вдруг смотрим, несется наш Володька и орет во все горло: «Медведь!»

Мы схватили малокалиберку и бросились вслед за Володькой. Но когда подошли к малиннику, Володька наотрез отказался идти дальше. Он показал нам полянку, где оставил Руслана, а сам остался на месте. Руслан как увидел нас, ввалившихся на поляну с ружьем наперевес, так захохотал и, упав на спину, задрыгал ногами. Сначала мы недоумевали, посматривая то на Руслана, то на неизвестную тетку, собиравшую малину. Но потом, поняв в чем дело, мы тоже захохотали, да так громко, что прибежал Володька. Оказывается, он принял тетку за медведя. Володька ненавидящим взглядом посмотрел на тетку и сказал сердито:

— Ну пошли, чего расселись!

Попрощавшись с теткой, мы пошли к месту стоянки. Здесь царил полный разгром. Тарелки с супом перевернуты, хлеб съеден, банки с консервами вылизаны дочиста. Тут уж сомнений не было: на стоянке побывали медведи!

ОПАСНОСТИ ПОДСТЕРЕГАЛИ НАШИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ НА КАЖДОМ ШАГУ. НАПРИМЕР, ЧЕБОКСАРСКИЙ ЮНКОР ВОЛОДЯ ПАВЛОВ ПОВЕДАЛ НАМ ЖУТКУЮ ИСТОРИЮ...

ПРО КОЗЛА КУЗЬМУ

Я отдыхал в деревне у тети. Однажды я вышел на улицу и слышу за поворотом шум стада. Через минуту вижу: впереди стада, как командир, вышагивает большой бравый козел. Я оцепенел. Козел шел прямо на меня. Я взял руку под козырек своей новенькой татарской шапки. Не доходя до меня нескольких шагов, козел остановился, выпучил глаза, встряхнул своей седой бородой и бросился вперед... Я вмиг оказался на пыльной дороге. Чувствую, у меня и там и сям болит. Поднимаю голову и вижу, что бородач, как ни в чем не бывало, вышагивает домой впереди колхозного стада. Оказалось, что все это видели колхозные мальчишки и девчонки. Они показывали мне кукиш и кричали:

— Что, познакомился с нашим генералом!

Тогда я рассердился, вскочил на ноги и с устрашающим гиканьем погнался за своим рогатым врагом. Козел не выдержал моего натиска. Он задрал хвост и помчался по деревне. Подбежав к одному из домов, он с ходу ударил в ворота, ворота с визгом распахнулись, и он скрылся за ними. Мой прежний авторитет был возвращен.

— Ого, сразу видно, пацан из города...— говорили колхозные ребята. От них я узнал, что козла звать Кузьмой, а принадлежит он председателю колхоза Иванову Кузьме Ивановичу.

Я крепко подружился с колхозными ребятами и вдоволь наработался в колхозе.

...КОМПАС ВЕДЕТ СЕБЯ КАК-ТО СТРАННО. СТРЕЛКА РЫЩЕТ И УПОРНО СКЛОНЯЕТСЯ К РУМБУ «БЕДА». ГДЕ БЕДА? В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ, ОКОЛО СЕЛА ШЕКАЛОВКИ, В ЛЕСУ. С КЕМ БЕДА? ОБ ЭТОМ МЫ СЕЙЧАС УЗНАЕМ ОТ ЮНКОРА ОЛИ СЕРГИЕНКО...

НАХОДКА

Мы с Наташкой пошли в лес к роднику. Взяли ведро и палку, чтоб удобнее было воду нести. Вдруг слышим, будто кто-то стонет в овраге. Мы думали, что это мальчишки нас пугают, и крикнули громко:

— Мы не боимся! Не боимся!

Опять тяжкий стон. Почему-то мурашки побежали по спине. Я сказала:

— Пойдем, позовем тетю Таню.

В овраге снова что-то застонало и тяжко вздохнуло. Мы побежали за тетей Таней.

Подойдя к тому месту, где мы слышали стон, тетя Таня спустилась в овраг и говорит:

— Родная, да как ты сюда попала!

Мы осмелели, продрались сквозь колючие кусты и глянули вниз. В овраге лежала корова, а рядом с ней крохотный теленочек с белой отметиной на лбу. Около коровы на корточках сидела тетя Таня и передником вытирала вымя.

— Бедненькая, да как она терпит, — приговаривала тетя Таня.

— А что терпит? — спросили мы.

— Да она ж не доена давным-давно, ей очень тяжело. Видите, завязла и теленочка тут родила...

Корова в самом деле загрузла, дно в овраге было илистое, и она, оборвавшись с обрыва, не могла выбраться, отелилась и звала на помощь.

— Девочки, подайте-ка ведро!

Мы спустились в овраг. Тетя Таня подоила корову, поднесла ведро к теленку, ласково его туда ткнула и уже через минуту он, причмокивая, пил молоко. Мы глянули на корову и увидели: из ее больших черных глаз выкатились две крупные слезины. Тетя Таня вытерла их передником, и корова благодарно лизнула ее в руку.

Потом мы позвали народ, корову вытащили из оврага и отвели к летней ферме. Там нас поблагодарили. Оказалось, что корову вот уже два дня как ищут. А теленка назвали «Находкой».

ОДНАЖДЫ В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Е. Серова

БУНТ

Как жила квартира пять?
Все в порядке — тишь да гладь.
Говорили там при встрече
«Добрый день!» и «Добрый вечер!»
Инженер пенсионера
С Новым годом поздравлял...
А четыре пионера
Вдруг устроили скандал!
Глеб заметил: «Некрасиво,
Нет в квартире коллектива!»
— Да, — кивнула Света, —
Очень скучно это.
Жорка крикнул: «Хватит ныть,
Надо всех объединить!»
— Решено, — сказала Ира, —
Это больше не квартира,

А ЗОНА ПИОНЕРСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Охватила эта зона
Инженера Гершензона,
Старого большевика
Прохора Петровича,
Молодого моряка
Костю Якубовича,
Марь Иванну Полякову,
Зою Львовну Куликову...
Даже кот Сардонапал
В зону действия попал!

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

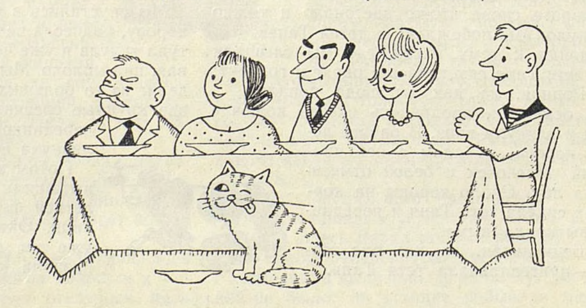
Наступает воскресенье,
Отдыхают дома семьи.
Эх, найти б такую нить,
Чтобы всех объединить!
Да, задача нелегка!
Жорка вызвал моряка:
— Выручайте — так и так!
— Помогу! — сказал моряк.
Мощным басом заорал:
— Всех наверх свистать: аврал!
Кто за то, чтоб выходной
Провести семьей одной?
— Я — за! — сказал ребятам
Старый большевик, —
Я еще в двадцатом
Коммуной жить привык.
Инженер сказал: «Ну что же,
Я не против перемен.
По желанью молодежи
Проведем эксперимент!»
Удивилась Марь Иванна:
— Всё совместно?.. Это странно!
Сообща варить обед?
Впрочем... Почему бы нет?

ЧЕТЫРЕ ПОВАРЕНКА

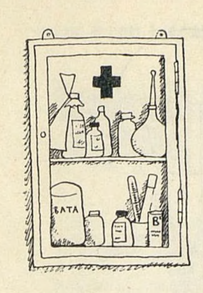
Смятенье в царстве мисок,
Кастрюль и сковород:
Бренчит кофейник: «Близок
Большой переворот!»
Соседские кастрюли
Столкнулись у плиты
И ручки протянули:
— Отныне мы «на ты»?
И чайник Гершензона
Задорно звякнул: «З-зона!»
А ножики хохочут
И вилкам говорят:
«Глядите, как хлопочет
Четверка поварят!»
Четыре поварешки
Размешивают суп,
Кладут четыре ложки
Четыре сорта круп.
Совместное творенье —
Варенье из айвы,

Рисунки М. Беломлинского

Столкнулись над вареньем
Четыре головы!
Подбить четыре глаза —
Не жертва — ерунда!
Обед в четыре раза
Вкуснее, чем всегда!
Хоть в супе из фасоли
Четыре нормы соли,
Зато в варенье вбахано
Четыре нормы сахара!
В итоге все в порядке,
Считают поварятки.

. . . .

Пять семей едят обед,
Недовольных нынче нет!
И кота Сардонапала
Накормили до отвала.
Кот, разлегшись на диване,
Промурлыкал Марь Иванне:
— Столько блюд р-разнообр-разных,
Не житье, а кр-расота!
Интер-ресно, что за пр-раздник?
Вер-роятно, День Кота?

ПОСЛЕ ОБЕДА

Оглушили Света с Ирой
Двух приятелей, треща:
— Надо снова всей квартирой
Что-то сделать сообща!
Эко диво — общий суп:
Надо сделать общий клуб,
Общую аптеку
И библиотеку!
— Хорошо. Начнем с культуры?
— Нет, с аптечного ларька!
Глеб несет бутыль микстуры:
— Гарантирую — горька!
Жорка действует ретиво:
— Братцы! Все для коллектива!
Жертвую касторку!..
Эх, не ценят Жорку!
Марь Иванна тащит в дар
Превосходный скипидар,
Зоя Львовна — пять отличненьких,
Самых свеженьких горчичников!
Наконец готов ларек,
Полон вдоль и поперек —
Тут и бром, и валерьянка,
И с касторкой пузырек,
Хочешь пей,
Хочешь лей,
Только просьба — не болей!

ОДИН В КВАРТИРЕ

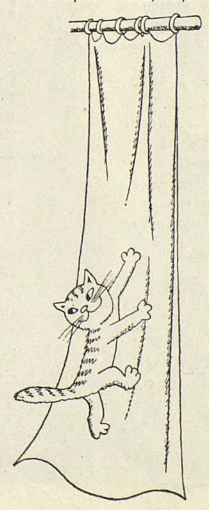
Инженер сказал резонно:
— Если зона, так уж зона!
В «Свете» новая картина,
Может, сходим коллективно?
В «Свете» встретил их плакат:
«Дети до...» и прочее.
Дети топают назад.
Плачут?
Нет, хохочут!
Два часа без взрослых —
Наслажденье просто!
Глеб и Жорка в чистой ванне
Смесь толкут наперерыв.
Света с Ирой к Марь Иванне
Влезли в спальню, дверь закрыв.
Я скажу вам по секрету:
Заперлись девицы там,
Чтоб примерить туалеты
Двух отсутствующих мам.
Вдруг — бум!
Вдруг — бом!
— Что за шум?
— Что за гром?
— Мальчишки окаянные,
Признайтесь, ваши взрывы? —
Но мальчики из ванной
Выскакивают живо:
— Нет, не наши, что вы!
У нас не все готово!
Тут опять — как бухнет!
— Стойте, это — в кухне!

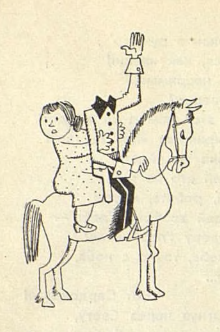
. . . .

Смотрите-ка!
Портьера
Сошла с ума! —
Взяла и полетела!
Сама???
Сама!!!
Живая портьера?
Тут что-то не так!
Держись, пионеры,
Невидимый враг!
Привычные вещи
Вдруг стали зловещи...
Вот-вот чьи-то руки
Сомкнутся, как клещи!
Задушат незримые...
Всех четверых?
Ну, нет, этот номер не выйдет!
Жорка крикнул: «Вот он, вот!
Невидимка не уйдет!
Не пускай его из рук!
Замыкай, ребята, круг!»
Нет людей храбрее Глеба —
На портьеру Глеб напал!
А на Глеба, точно с неба,
Прыгнул...
Кот Сардонапал!
Перепрыгнув через Свету,
Рыжий кот летит к буфету.
— Дело дзинь! — сказали банки.
— Дело бряк! — ответил хлеб.
— Кот напился валерьянки! —
Догадался мудрый Глеб. —
Пробки нет у пузырька!
У какого дурака...
И услышал Жоркин шёпот:
— У тебя!.. Ты делал опыт...

БИБЛИОТЕКА

В коридоре дядя Прохор
Сделал полочку для книг.
Полка выглядит неплохо —
Ай да старый большевик!
Взрослый люд несет романы
Непомерной толщины,

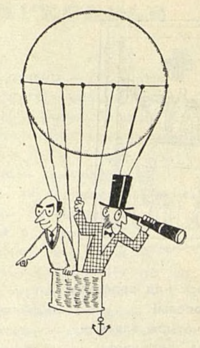
Или «Трех медведей»!..
Рассердились крепко
Ребята на соседей!

ВЕЧЕРОМ

Нынче детям нет покоя!
Час прошел, и два часа, —
Слышат дети, — что такое? —
Снова в кухне чудеса!
Кто-то всхлипнул...
Кто-то крикнул...
Даже голос незнаком!
Кто хохочет,
Кто бормочет...
Кто-то стукнул кулаком!
За ударом кулака —
Голос Кости-моряка:
— Наконец-то! Пятница!..
Света в страхе пятится:
— Ой, ребята, он — больной!
Ведь сегодня — выходной!
А из двери — новый бред —
(Там здоровых, видно, нет!)
— Будем драться на дуэли! —
Закричал пенсионер,
— На тридцатой параллели! —
Отозвался инженер.
Марь Иванна бредит вслух:
— Мне бы в эту прерию!
Я б дозналась, кто из двух,
Кассию не верю я...
Дайте мне мустанга!..
Всхлипнула Светланка:
— Бедная мамуся —
Она сошла с ума!
Раз мальчишки трусят,
я войду сама!
Света в дверь влетела,
Как метеорит...
— Ах, вот оно, в чем дело —
у мамочки — Майн Рид!
В обнимку с Жюлем Верном
Уселся Гершензон,
А Косте другом верным
Стал храбрый Робинзон.
Графу Монте-Кристо
Старый большевик
Шепчет: «Действуй быстро!
Так их, прощелыг!»
Говорят ребята строго:
— Папы, мамы, — первый час!
— Мне чуть-чуть...
— Еще немного!..
— Я до главки!
— Я сейчас!..
— Что вы, дети, очень рано! —
Уверяет Марь Иванна, —

А ребята, как ни странно,
Чем-то сильно смущены.
Ты поймешь ребят, наверно, —
Нелегко отдать Жюль Верна!
А Маршак или Гайдар?
Это вам не скипидар!
Света мрачно говорит:
— Получайте, вот Майн Рид!
А вот «Двенадцать месяцев»
От Иры аккуратной:
— Ой, может, не поместится?
Я возьму обратно!
— Влезут все двенадцать,
Что там сомневаться!
Взгляните-ка на Жору —
Парнишка этот прыткий
Ползет по коридору
Со скоростью улитки.
(Попробуйте-ка быстро
Расстаться с Монте-Кристо!)
Только Глеб доволен:
Проверил силу воли —
Отдал Робинзона!
Что поделать — ЗОНА!!!
Ну, такую роскошь
Расхватают вмиг!..
Но проходят взрослые
Мимо детских книг:
— Вы еще бы «Репку»

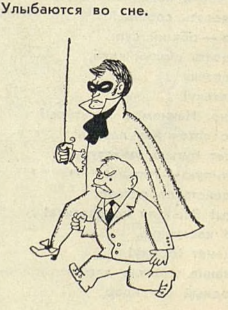

Мне осталось полглавы!
Я уже без головы!
— Скоро час! Пора в постели!
Непослушных пап и мам
Пионеры еле-еле
Растащили по домам.

. . . .

Спят жильцы квартиры пятой,
Видят молодость во сне...
Костя, малец голопятый,
Удит рыбу по весне:
Что там щуки — мелкота!
Костя выудил кита!
К черту сны обыкновенные!
Инженер в постели мечется:
Объявляет он Вселенную
Зоной действий человечества!
Юный Прохор с Монте-Кристо
Гонят в шею беляков,
Мчатся кони —
только искры
Отлетают от подков!
Марь Иванна стала Машей,
Тоже скачет на коне!..
Спят жильцы в квартире нашей,
Улыбаются во сне.

Сегодня главный загадчик — Игорь Анатольевич Квятковский

Как-то шел я на работу

Шел, не опаздывал и смотрел по сторонам. И вот что увидел:

1. В честь какого события воздвигнут этот монумент?

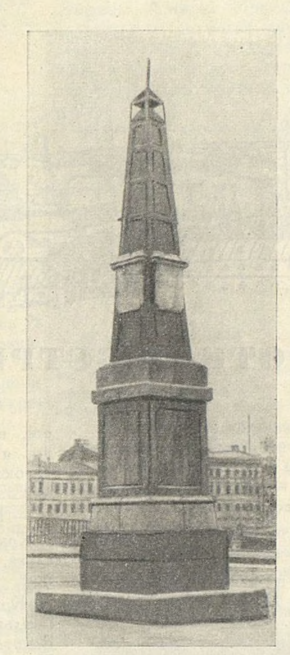
2. У этой крыши не два ската, а один. Почему? А в стене ни одного окошка. Почему? Ошибся строитель?

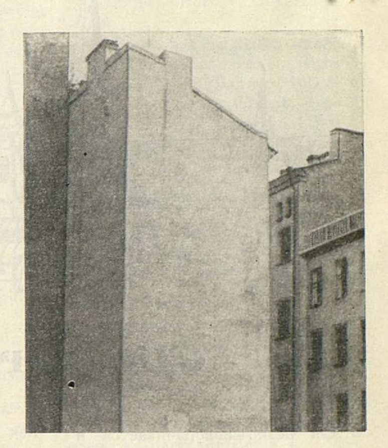
3. Два низких гранитных столбика перед воротами, — зачем они?

4. Маленькая башенка робко прижалась к стене большого пятиэтажного дома. Что за башенка? Зачем ее построили?

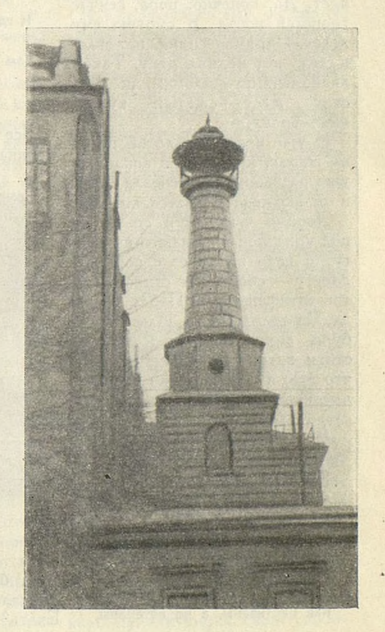
Кто догадается — тот догадается. А кто не догадается — посмотрит на странице 62.

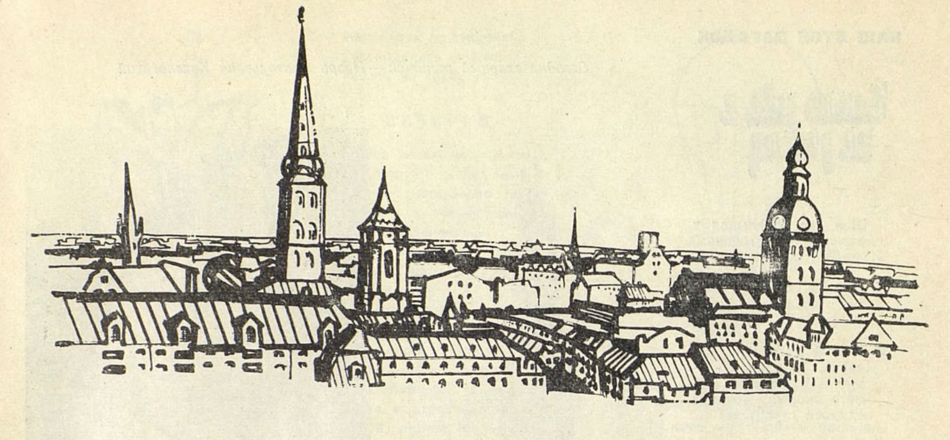
Снимки сделаны бригадой фотокружка Ленинградского Дворца пионеров.

ОДНА КОРОТКАЯ ВСТРЕЧА

Лина Глебова

Рисунки А. Сколозубова

Он резко поворачивается и идет. Да, конечно, пора, сейчас тронется поезд. Я смотрю ему вслед,— прямая спина, вот оглянулся, вот поднял руку. Такой знакомый по фильмам, по детству жест — сжатый кулак: «Рот-фронт!»

И уже поплыл золотой петух на шпиле, и шпиль, и вокзал, и уже растворилась, исчезла Рига, и только колеса, колеса, колеса...

Достаю чемодан и сразу же под крышкой натыкаюсь на книгу: я ведь взяла ее с собою в дорогу — сборничек стихов поэтов-антифашистов: Пабло Неруда, Бертольд Брехт, Илья Эренбург, Эрих Вайнерт... Многие стихи здесь я знаю наизусть. Но что это, я теперь точно впервые читаю эти строки?

Мы бились за мадридские
предместья —
Французы, немцы,
все в одном строю.
Придет пора, камрад,
мы будем вместе
Освобождать Германию мою.
И по вселенной
мы теперь пройдем,
Как партизаны, а не ветераны.
Над нами будет
реять флаг багряный,
И где б ни повстречались
мы с врагом,
Там вспыхнет бой!
Греми, победы гром!

●

Все началось с телефонного звонка. Я сидела за столом, работа была спешной, — и тут-то раздался звонок из редакции. Ехать? Немедленно? Вы же знаете, никак! Не могу! — ... Но тут я услышала в телефонной трубке два слова. И ответила на них одним:

А. Н. Кочетков

— Еду.

Красная Капелла—вот те два слова, что сказали мне в телефон.

«Красная капелла» — Харро Шульце-Бойзен, Арвид Гарнак, Вальтер Гуземан, Герберт Баум, Вильгельм Гудорф, Джон Зиг, Като Бонтьес Ван Беек[1]. Никогда не забыть мне их предсмертных писем:

«Любимые родители. Вот и все. Через несколько часов я покину свою земную оболочку! Я совершенно спокоен и прошу вас держать себя так же. Все, что я делал, я делал, повинуясь своему разуму, своему сердцу и убеждениям...»

«Красная Капелла», — будь они живы, именно их я мечтала бы назвать своими друзьями, их слова ждала бы в трудную минуту. Но они погибли, замучены, казнены. Все. До единого.

---

[1]) Очерк «Погибшие до рассвета», «Костер» № 1 1964 г.

Так я думала. И, оказывается, ошибалась.

Вот здесь, в двух шагах от меня, в доме четыре по рижской улице Вальню, один из них — Алексей Кочетков.

●

— Вы ко мне?

Такие глаза я видела на тех фотографиях: Шульце-Бойзен, Арвид Гарнак, Джон Зиг...

Такие глаза у человека передо мной.

Он стоит посреди комнаты — среднего роста, худощавый, синеглазый, явно смущенный. Вот неожиданно поспешно и даже суетливо начал собирать разбросанные листки рукописи... И так же неожиданно остановившись, стал соображать.

— Жаль, сегодня вечером я занят. А вот завтра, в воскресенье, я бы мог...

●

Мы идем по пляжу у самой кромки, и море все норовит перебежать нам дорогу. Солнце перевалило за полдень, но вокруг еще вовсю ликует воскресенье — праздник загорелых тел, волн, смеха, стука мячей. И в ясном небе серебряный самолет тянет-тянет белую ниточку. Вот нить растрепалась, стала облаком, тень облака бежит по земле...

В тот день над пляжем так же пролетал самолет. И тоже было воскресенье. И солнечно было во всем мире.

Кто на дороге, кто!
Кто это, кто!
Кто в темноте, кто в крови!
Пепел, железо, камень,
Смерть, пламя, плач.
Кто это, мать, кто!
Кто и куда!

В тот день — 22 июня 1941 года — Алексей Николаевич был не по нашу сторону рубежа... Он был в тот день под Берлином.

●

Красный мяч пролетает рядом. И вдруг, мгновенно извернувшись, Алексей Николаевич подхватывает его ногой, мяч подлетел, коснулся пальцев-пружин, и красная дуга, перемахнув через пляж, приземляется в центре круга...

— Ох, где ж это вы так наловчились?!

— Еще в школе. Я был хорошим игроком в мяч и лучшим бегуном. Это мне потом не раз пригодилось. И в Испании тоже.

— В Испании?

●

...Стойкие и спокойные
с винтовками, с голубыми глазами,
вы уходили на фронт Кастилии,
пришедшие из далека,
из ваших потерянных родин, из
ваших снов,
чтобы отстоять испанский город,
где раненая свобода
не знала, протянет ли она до ночи...

Алексей Кочетков — русский. Но такой русский, который жил не в России. Он рано лишился отца, в памяти осталось лишь лицо, да руки, да рассказы о штурме Зимнего, о долгих походах по просторам России в дни гражданской войны. Но когда отец умер и когда мать вышла замуж за другого, вместе с матерью и отчимом Алексей уехал в Ригу. Тогда Латвия не входила в состав Советского Союза, была буржуазным государством, и Алексей оказался за рубежом.

Он жил в Риге, а когда подрос, поехал учиться во Францию, в Национальный Агрономический институт. Это были не очень сытые, но славные времена. Зимой — учеба, а когда наступало лето, вдвоем с другом на велосипедах ездили по проселочным дорогам Франции: где-то помогали крестьянину убрать виноград за ночлег, где-то ночевали так, под открытым небом, слушая шорох леса или дыхание Бискайского залива. Он любил Францию. Но он помнил: его родина — Россия, Советский Союз.

В те дни у него было много друзей-студентов. Но самым большим — один: Вадим. Вместе с Вадимом они раздобыли журнал «СССР на стройке». Они рассматривали там фотографии, вчитывались в надписи. Вместе с французскими друзьями Алексей выходил на демонстрации, участвовал в забастовках. Он распространял листовки и молодежную газету «Авангард», дрался с монархистами на бульваре Сен-Мишель...

Он вступил в комсомол, и почти сразу же товарищи избрали его в бюро комсомола пятого района Парижа.

И в это же время Алексей стал оформлять документы на въезд в Советский Союз.

И уже казалось ему, он видит дорогу на Родину — прямую стремительную дорогу, и только мелькают километры да полосатые пограничные столбы...

Так все и было — километры, пограничные столбы, только дорога оказалось долгой, тернистой, горькой... И все-таки... И все-таки она осталась прямой!

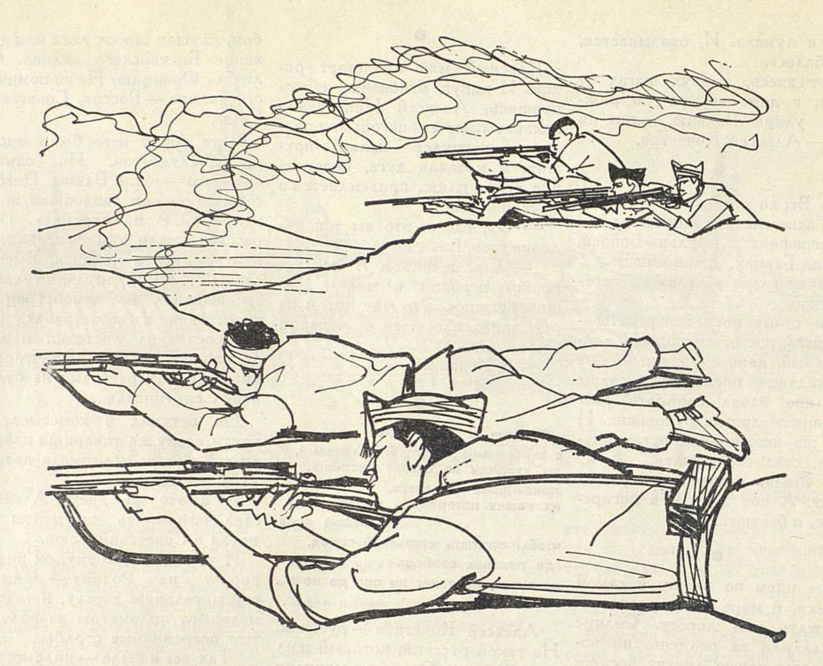
Все началось с того, что в Испании вспыхнула война, и в числе первых добровольцев Алексей Кочетков отправился за Пиренеи.

...Стойкие и спокойные,
с винтовками,
с голубыми глазами...

Алексей, его звали в Испании камрад Алекс, начал свой путь пулеметчиком. Капитаном, начальником штаба легендарной бригады имени Яна Домбровского, он уже стал потом, в боях.

Он воевал под Сарагосой, под Теруэлем, под Уэской. Путь туда лежал через Барселону.

Была ли ты когда-нибудь такою, празднующая свою свобо-

ду красавица Барселона! Все наводнено, запружено густой возбужденной людской массой. Женщины с цветами в волосах и обнаженными саблями в руках, старики с революционными лентами через плечо. Вот по улице проходит похоронная процессия. Павших бойцов несут в гробах не горизонтально, а вертикально, и мертвые, как бы стоя, призывают живых продолжать борьбу. Молодые рабочие идут по четыре в ряд, первые шестнадцать с винтовками, потом двое с пистолетами, остальные просто размахивают руками в такт барабану. Матери, невесты, маленькие братья провожают их, шагают вместе в рядах, обняв за шею; один парень взял на руки маленькую, седую, сухонькую мать и несет ее, покраснев от напряжения и смущенно улыбаясь.

Они идут в горячие пески Арагона: там республиканцы ждут подкреплений.

Арагон, — здесь камрад Алекс впервые встретил войну. Здесь услышал впервые короткую перекличку орудий, увидел, как человек в последний раз закрывает глаза.

Здесь трудно воевать. Жесткие песчаные бугры, на них — рыжее мочало выгоревшей травы. Нет ни дерева, ни куста, ничего, что спасало бы от жары. Нет воды. Ее привозят за десятки километров, отвратительную, теплую, мутную воду. Горячий слой песка заползает в носоглотку, в уши, в глаза...

Ночью не становится легче. Чтобы спать, надо лечь с одеялом прямо в пыль.

Крупная луна светит над бледными холмами. В ней возникают и медленно тают облака пыли от марширующих колонн.

Там, за холмами, — фашисты. Там у них крупповские снаряды и гранаты, там у них пули дум-дум итальянской фабрикации и самолеты и танки, у них там хорошая техника...

Но артиллеристы-французы со старенькой, извлеченной из музея пушкой подъезжают к самым окопам, завязывают бой и захватывают вражескую батарею. Теперь батарея будет республиканской!

А испанцы-танкисты! Они совершили под солнцем, под обстрелом многочасовой поход и вернулись живые!

●

Мы сидим на скамеечках пристани, над тихой, над светлой, над просторной рекой Лиелупе. Мы сидим под белыми зонтами возле киоска прохладительных напитков. От воды тянет тиной. Солнце клонится к западу. Уже вечереет, и здесь, на пристани,

уже пусто и тихо. Вдали стучит мотор катера. И это единственный звук в тишине: Алексей Николаевич смотрит мимо меня в голубой золотистый простор. Он далеко сейчас, он очень далеко... И губы его напевают на далеком, на незнакомом, на непонятном мне языке.

Пуэнте де лос франсесес,
Пуэнте де лос франсесес
Мамито миа, я ло ан пасадо!

А я вспоминаю «Испанский дневник» корреспондента «Правды» в Испании Михаила Кольцова. Как он там пишет об Арагонском фронте, об окопах под Уэской. А ведь это Алексей Николаевич водил его по окопам и старался не пускать в наиболее опасные места, а Кольцов так и лез под пули...

Пуэнте де лос франсесес,
Мамито миа, я ло ан пасадо!

А республиканцы уже отступают. Холмы, города, деревни...

Сколько их там, позади, в горячем солнечном мареве! В них теперь мятежники, они там кричат в репродукторы: «Франко, Франко, Франко!» А ты бредешь, бредешь по асфальту и бросаешь свою винтовку у французской границы. Бросаешь винтовку... И нет на свете пыли более горькой, чем та, что глотаешь ты. И ничего не надо, кроме одного — вернуться, вернуться, ведь Мадрид еще сражается...

Но рубеж Испании — позади.

Французское правительство приняло отступающих испанских бойцов на землю Франции. Только гостеприимство это было особое: путь от границы вел прямо в лагеря. Алексей попал в лагерь Верне д'Арьеж. Колючая проволока, дождь сквозь крышу, и все мокрое, и стоны раненых, больных. Но с этим со всем еще можно справляться. Самое страшное — бесцельное, бессмысленное ожидание. Или их здесь держат специально как подарок фашистам?

И Гитлер пришел во Францию. Фашисты заняли лагерь.

Весной 1941 года лагерь расформировали. Тех, о ком немцы знали, что это старые коммунисты, гордость испанской армии, — тех отправляли в концентрационные лагеря. А тех, о ком не знали, особенно молодых и сильных, повезли в трудовые лагеря Германии: работать на войну — фюреру нужны рабочие руки!

●

Нам лопаты давят плечи,
Нас гнетет безмерный труд.
Здесь и птицы не щебечут,
Здесь и травы не цветут...

Всю долгую дорогу, весь путь, пока везли Алексея — через Францию, через Германию, через пересыльные, через вербовочные пункты, — он думал о том, что в Берлине еще существует Советское посольство, и если ему повезет, а надо бы постараться, чтоб повезло, и он попадет в Берлин, — он во что бы то ни стало найдет путь в посольство и передаст свое заявление с просьбой помочь ему вернуться на Родину: ведь теперь Латвия стала советской и он, Алексей, теперь гражданин Советского Союза. От одной этой мысли прибавлялось сил...

И ему в самом деле повезло. Помогло знание языков: он мог свободно разговаривать с иностранными рабочими, привезенными в Германию едва ли не из любой части Европы. И его направили в Берлин, на крупный трансформаторный завод АЭГ — ТРО. Его поставили на ответственную должность—получать на складе и развозить по цехам детали.

Это и в самом деле была очень удачная должность: она позволяла свободно передвигаться по территории завода, позволяла завязывать знакомства, и за территорию лагеря ему иногда позволяли уходить и даже обещали, что со временем предоставят десятидневный отпуск, если он, разумеется, хорошо себя зарекомендует.

В первое же свое увольнение Алексей пробрался к зданию Советского посольства и передал туда свой единственный документ, тот, что бережно хранил и прятал уже не первый год: удостоверение капитана Испанской Народной армии. Он передал удостоверение, заявление и стал ждать. Но тут...

22 июня 1941 года.

Снова — война.

На этот раз — Россия.

На этот раз — Советский Союз, его Родина, бьется в огне, как недавно билась Испания. На этот раз там, на его Родине, корчится под бомбами земля. На этот раз туда — на моторах и пушках —несут фашисты свой «новый порядок».

У тебя нет винтовки? Но у тебя есть глаза, руки. Ненависть.

●

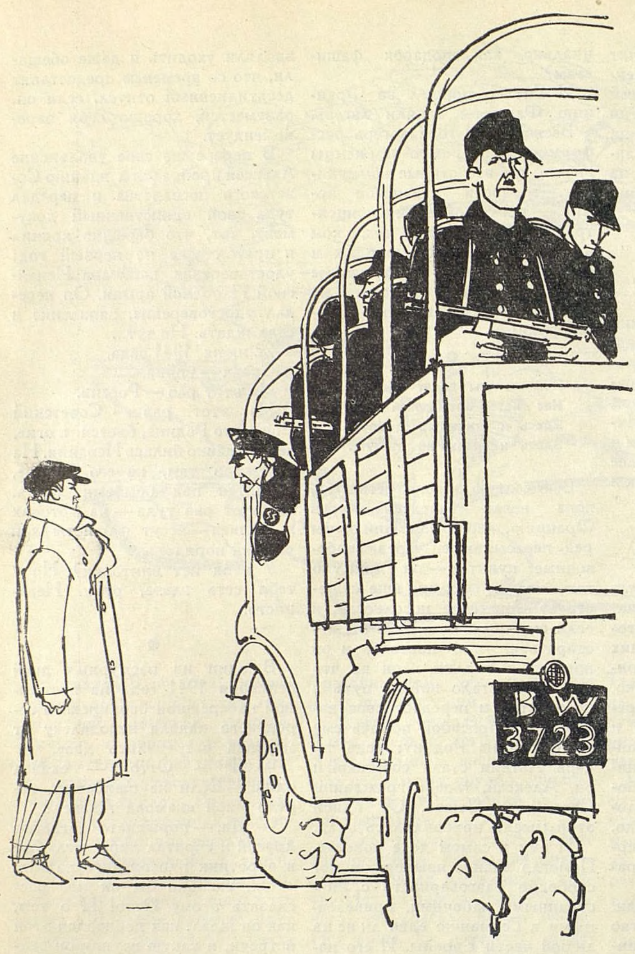
В один из пасмурных дней сентября 1941 года на пустынной набережной берлинского городского канала неподалеку от мостика встретились двое.

— Я — Отто, — сказал один. — Если не ошибаюсь, передо мной «камрад Алекс»?

— Да, — порывисто ответил другой и спрятал лицо поглубже в воротник плохонького пальто.

Ох, сколько бы он мог рассказать этому Отто! И о том, как он ждал, как добивался этой встречи, и какую группу он сколотил у себя на заводе АЭГ — ТРО, и что в ней за народ! Франц Муравский — старый немецкий коммунист, сподвижник Тельмана, француз Джозеф, чех Ян, итальянец Марио...

Но нет, они обменялись лишь несколькими фразами, пакетами и разошлись. И тот, кого называли «камрад Алекс», так и не узнал тогда, что Отто — Отто Грабовски — один из тех, кто

составляет подпольную группу «Иннере фронт». Один из тех, кто в тихом пригороде Берлина Нейкельне вместе с Гудорфом, Вейзе, Джоном Зигом и другими подпольщиками в строжайшей тайне хранит печатный станок. Кто издает на шести языках подпольный журнал и листовки. И что все они — это только часть большой организации — той самой «Красной Капеллы», которую разыскивает гестапо. И отныне он сам, Алекс, и его товарищи — тоже одни из «красных певцов». Многое из этого он узнал лишь спустя годы.

А тогда — обменялись пакетами и расстались.

Алекс передал Отто текст листовки на русском языке — для советских военнопленных, а в маленькой металлической коробочке, полученной им от Отто, лежала уже готовая — на немецком.

Вот и стал Алексей Кочетков, камрад Алекс, подпольщиком.

●

Алекс выбрал районы Иоганитель и Нидершеневейде. Первую листовку он прилепил на газетную витрину, вторую — на афишную тумбу. Он шел из улицы в улицу, а следом, как маленькие флажки, как светляки-фонарики, вспыхивали белые листки. И вдруг за спиной заскрежетал мотор, остановилась машина... Он оглянулся — автоматы, мундиры СС. У него окаменели ноги. Но он заставил себя — два шага назад — неуловимым движением опустить коробку в снег...

Эй, как тут проехать к мосту?

Еще не веря своей удаче, он объяснил. Машина загудела, тронулась, скрылась в сумерках. Он отыскал в снегу коробочку, поднял. Последнюю листовку он приклеил на перилах того самого моста, о котором спрашивали эсэсовцы.

— Алексей Николаевич, постойте, — говорю я, — вы ведь были в самом логове зверя, а вокруг незнакомый город, полиция, гестапо, СС...

Он отвечает быстро, словно сам не раз думал об этом.

— Берлинцы были разные. Были и фанатики, были и дураки, что в самом деле верили, будто они высшая раса: у нас на заводе такой был один — самый плюгавый и глупый. А многие, хоть и молчали, понимали, что творится худое. Мне никогда не забыть одну немку, как она слушала рассказ русской девушки... Это в нашем трудовом

лагере, на чердаке. Был у нас такой чердак — когда хотелось поговорить от души, мы собирались там, пели про трех танкистов... И вот эта девушка. Ее сняли с торгового советского корабля в первые дни войны. И она рассказывала, что вытворяли фашисты на мирном безоружном корабле с беззащитными людьми... И немка, берлинская немка, слушала и, обняв ее за шею, рыдала: «Будь они прокляты, прокляты, пусть самой страшной ценой, пусть гибелью моего родного города, только бы смести их с лица земли!»

Мой сын, я коричневую рубашку
Подарила тебе и пару сапог.
Кабы знала я все, что знаю теперь,
Я б повесилась, видит бог!

●

Вскоре Алекса назначили руководителем подполья юго-восточной части Берлина. Крепче всего он был связан с лагерями советских военнопленных. У него было несколько связных, главные — Олег и Николай. Он ничего о них не знает, кроме того, что это храбрые и честные парни, что Олег родом из Ленинграда. Где они сейчас? Он передавал через этих ребят в лагеря листовки, сводки, медикаменты, одежду. Помогал организовывать побеги. Там, в лагерях, было много зеленого, совсем неопытного народу. Как-то спрашивают: «Скажи, Алекс, как быть? У нас в лагере есть мальчишки от 10—12 лет, их пригнали немцы, детей тоже ставят к станкам на 12 часов подряд, они засыпают, конечно. И вот мастер будит их оплеухой! Ты бы видел какой! Что делать? Мы решили послать этому мастеру резолюцию с протестом».

— Резолюция? С протестом? О бюрократы! Да вы знаете, что он с вашей резолюцией сделает? Уничтожить — и дело с концом!

И подпольщики уничтожали садистов, предателей, провокаторов. И портили, что могли: станки, продукцию, подъездные пути. И помогали друг другу бороться и жить.

Они не только верили в победу, не только мечтали о ней, они потихоньку копили оружие, копили силы, чтобы здесь, в центре Германии, создавать партизанские отряды, поднять восстание, и отсюда, из Берлина, придти на помощь Советской России.

А потом — антисоветская выставка. Та самая выставка, которую сожгла подпольная группа с Гербертом Баумом во главе.

Алекс ничего не знал о пожаре, о гибели группы Герберта Баума, о провале «Иннере фронт», аресте Харро Шульце-Бойзена. Но он ощущал, видел — работать стало невозможно. Вокруг только облавы, проверки, обыски, да по радио — списки казненных за измену Третьему Рейху... И опять, как тогда в Испании, он смотрел в глаза гибели, смерти, поражению — и ничего, ничего не мог поделать.

Но нет, на этот раз он не бросит винтовку!

Он попросил тот самый десятидневный отпуск, который ему обещали, и, получив его, уехал.

Он уехал в ту часть Великой Германской Империи, которая прежде называлась Францией.

●

Свободу не подарят,
Свободу надо взять,
Свисти скорей, товарищ,
Нам время воевать.
Мы жить с тобой бы рады,
Но наш удел таков,
Что умереть нам надо
До первых петухов...

— Встать! — крикнул комендант лагеря. — Стройсь!

Заключенные выстроились.

Это было в один из пасмурных дней зимы 1943-го года в лагере для советских военнопленных на севере Франции. Вдоль строя пленных медленно шел худощавый элегантный господин (как доложено было коменданту, представитель владельцев шахт, прибывший в лагерь для набора рабочей силы).

Господин шел молча, очень внимательно вглядываясь в лица вытянувшихся перед ним людей, иногда чуть кивал головою, словно что-то отмечая про себя, словно ставя в памяти зацепочку... И только один раз он остановился перед высоким рыжим парнем и заглянул в широко расставленные серые горящие глаза. Обернулся к коменданту, потом к переводчику: несколько коротких вопросов. И снова коменданту: «Так не забудьте — этот!..»

Нет, он не ошибся тогда в выборе бойца, инструктор ЦК Французской компартии камрад Алекс (а это был именно он), не ошибся. Потому что имя того пленного — Василь Порик. Так же, как и многих других, Алекс высвободил Порика из лагеря для военнопленных и перевел в трудовой, шахтерский, где было легче выжить, а главное — возможно связаться с французскими товарищами, начать воевать.

Василь Порик, как вы знаете, попал потом в шахтерский лагерь Бомон, где он организовал боевой отряд; отряд вырос, совершил немало славных дел, — но это уже другая история.

А товарищ Алекс шел по северу Франции, от городка к городку, и подбирал людей, и учил, и раздавал задания. Он пробирался в лагеря, спускался в шахты, был гостем и на крестьянской ферме, и в домике рабочего — и всюду перед ним раскрывались двери, и всюду его встречали друзья.

Конечно, и здесь, на севере Франции, попадались шпики и предатели, и здесь хватало полицаев, немецких холопов. И здесь довелось пережить мучительные минуты, когда чувствуешь — слежка! И здесь гибли хорошие парни! Но с каждым днем все шире Французское Сопротивление. И вот в конце

1944 года — это уже не сопротивление — это восстание!

Камрад Алекс был одним из тех, кто поднял это восстание.

И пусть хоть на один день, но они приблизили 9 мая 1945 года — день Победы!

●

Я ждал ее, как можно ждать любя,
Я знал ее, как можно знать себя,
Я знал ее в крови, в грязи,
в печали.
И час настал — закончилась война.
Я шел домой, навстречу шла она.
И мы друг друга не узнали...

Он шел в Россию. Долго шел. Где-то его везли машины, где-то он шел пешком, где-то добирался на медленных послевоенных поездах. Ох, уж эти поезда, не поймешь, идут они, стоят? Он добирался, голодая, продав последнюю — не в переносном, в прямом смысле — рубаху. И добрался.

Но Родина встретила его не так, как он ожидал, не так, как он заслужил. Это было то нелегкое время, когда справедливую осторожность подменяла всеобщая подозрительность.

У него требовали доказательств, что он был в Германии антифашистом. Будто недостаточно звания капитана испанской армии и членства ЦК ФКП! Но на тех листовках, которые он расклеивал в Берлине чуть не на глазах эсэсовцев, он не ставил свою подпись. И не только враги, друзья не знали, кто скрывается под кличкой «камрад Алекс» — Алексей или Александр — не говоря уже о фамилии.

Он не стал добывать доказательства.

Он жил одиноко и трудно. Был и грузчиком, и кочегаром, и торфоперегнойные горшочки делал... Так прошли годы...

Долгие годы, когда он пересматривал заново, по крупинке, все свои поражения, все короткие победы. Так ли он жил, как надо? Так ли прожил?

А потом случилось вот что. Отто Грабовски, связной «Красной капеллы», оказался в числе тех немногих, кто уцелел. Однажды, уже после войны, перебирая в архиве завода АЭГ—ТРО картотеку иностранных рабочих, Отто вдруг увидел на фото знакомое лицо. Сомнений быть не могло — этот Алексей Кочетков и есть камрад Алекс! И тогда Грабовски стал разыскивать Алексея Николаевича. Самому довести поиск до конца ему не удалось. Алексея нашла друг и соратник Отто — Шарлотта Бишофф.

Так они и пришли — доказательства.

Хотя, впрочем, особая нужда в них уже и отпала.

Сейчас Алексей Николаевич работает в конструкторском бюро, создает новые сельскохозяйственные машины.

А вечерами он пишет книгу.

●

Мы идем по Риге. Да-да, мы уже вернулись в город. И уже вечер, и пора думать о вещах, вокзале, отъезде... А пока мы идем по Риге. По вечерней, голубой, по старой Риге. И золотой петух на конце шпиля ловит над нами дыхание ветра. А тонкий серп месяца, примостившегося у шпиля, такой острый, такой светлый, точно край незажившей раны...

— Вот здесь шла старая городская стена. А эта узенькая улица вдоль нее называлась Шумной. Смотрите — купеческий дом, амбар, в таких домах окошек на улицу совсем не было. Наш самый старый собор. Вы не думайте, это не подвал, просто собор стоит на площади так давно, что мостовая вокруг него поднялась в человеческий рост...

Мы идем по игрушечным площадям, по сказочным улицам; да, все это очень удивительно, очень красиво... Как в музее или в театре... Но до чего же сумрачно и тесно было жить в таком средневековом городе, как давили низкие потолки, как душил страх, постоянный страх, вознесший все эти стены!

Я иду сквозь кружево улочек и думаю: что же в самих людях, в их душах, порождает фашистов? Страх, тупость, скудость мысли? Или фашизм — неспособность любить? Ведь фашисту ничто на земле не дорого, ничто не свято, кроме него одного!

— Алексей Николаевич, пойдет ли в вашей книге речь об этом?

— Вот пишу... Триста страниц перекроил — вышло сорок. Нет, я не жалуюсь и не собираюсь бросать перо... Только поймите, архив, история — это не для меня... Книга и сегодня должна бороться с фашизмом. А вот выйдет ли это? Интересно ли, надо ли это молодым?

Вот и все. Вот и кончилось это короткое воскресенье. И уже поплыл петух на шпиле, и шпиль, и вокзал... Алексей Николаевич, — он идет в легких сумерках летней ночи, вот оглянулся, вот поднял руку, такой знакомый по фильмам, по детству жест: сжатый кулак, «Рот-фронт!»... Он идет вдоль вагонов идет легкой походкой солдата, привыкшего к невзгодам.

Алексей Николаевич, камрад Алекс, спа-си-бо!

ПРОЧТИТЕ:

В. Томин, С. Грабовский. **По следам героев Берлинского подполья.** Издательство политической литературы, Москва, 1964 г.
Стефан Хермлин. **Первая шеренга.** Москва, 1953 г.
Поэты демократической Германии. Детгиз, 1951 г.

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

А. Шалимов *Рисунки С. Острова*

ЗАКАТ НАД ПУСТЫНЕЙ

Багровый закат угасал над красно-бурой каменистой равниной. Вершины плоских скалистых гряд еще пылали в лучах невидимого солнца, а в широких долинах уже густел фиолетовый сумрак. Извилистые цепи холмов убегали к пустынному горизонту и терялись в туманной оранжевой мгле. Небо темнело, мгла разрасталась, заволакивая далекие холмогорья, безжизненные голые долины, зубцы приземистых скал, похожие на проржавевшие развалины.

Стало темно и в большом кабинете Главного астронома. Лишь овал широкого окна багровел тусклым пятном, да на сферическом своде потолка тысячами застывших искр светилась звездная карта.

Ассистент, не отрываясь, глядел в окно, в пустоту гаснущего неба.

— Ночью снова придет ураган, — сказал он. — И опять не смогу продолжать наблюдений. Момент наиболее благоприятен. Мауна так близка к нам... Эти поразительные ночные блики по краям ее континентов... Они стали светлее, учитель. Чем больше думаю о них...

Главный астроном, неслышно ступая, приблизился из темноты к красноватому овалу окна. Откинув складки плаща, коснулся длинными пальцами прозрачного холодного стекла. Не глядя на Ассистента, процитировал поэта Эпохи древних царств:

— «Мудрец, познающий законы беспредельного мира, будь бесстрастен, как высший из судей, холоден, как ночной сумрак плоскогорий Эны, нетороплив, как время... И когда в закатный час обе вечерние звезды блеснут одинаково ярко, перечеркни дневные мысли и еще раз начни сначала»...

Он указал на две зеленоватые звезды, которые зажглись в потемневшем небе над бледнеющей оранжевой каймой зари.

— Вот она — Мауна! — прошептал Ассистент. — Моя Мауна — загадочная, прекрасная, далекая, полная тайн... Самая прекрасная и самая таинственная из планет Системы...

— «...Бесстрастен, как высший из судей, холоден, как ночной сумрак», — повторил Главный астроном, и в его голосе прозвучало осуждение. — Ученый не должен увлекаться, Ассистент Од. Древний поэт не ради рифмы упомянул о двух вечерних звездах Эны... Вот рядом с Мауной блестит ее ближайшая соседка Вея. Разве она менее интересна? Разве ее тайны разгаданы?

— Главная разгадана, учитель. На Вее нет и не может быть разумной жизни. Вея слишком близка к Солнцу. Под непроницаемой пеленой ее облаков — хаос бурь, огненные вихри вулканических взрывов, превращенные в пар океаны. Может быть, там уже зародились живые клетки, но разум — прекрасный всемогущий разум, появится через сотни миллионов лет. А Мауна...

— О, — прервал Главный астроном, — что-то новое... Твоя скромность делает тебе честь, Ассистент Од! Ты предсказываешь законы развития на сотни миллионов лет вперед.

— Простите, учитель! Мне не следовало говорить о Вее, ведь ее изучает астроном Тор. Но Мауна...

— Твоя Мауна также лишена разумной жизни, жизни вообще, как и Вея, — резко возразил Главный астроном. — Можно фантазировать о смене температур на поверхности Мауны, о том, что белые пятна это тучи, а зеленоватые пространства — моря, заполненные жидкой водой; можно бездоказательно твердить, что в ее атмосфере, состоящей преимущественно из азота, кислорода больше, чем на Эне; можно рассказывать

сказки о скоплениях льда близ ее полюсов, но нельзя забывать главного... главного, Ассистент Од!.. Мауна почти в два раза ближе к Солнцу. Убийственное ультрафиолетовое излучение там во много раз сильнее. Живые клетки были бы разрушены... Ты забываешь о границе жизни! Она проходит близ орбиты Эны. За этой границей — зона смерти. Мауна безжизненна! В ее атмосфере, насыщенной парами и электричеством, убийственно горячее солнце пылает над мертвыми пустынями, и реки, если они существуют, несут мертвые воды в безжизненные моря.

— Я полон уважения к вашим словам, учитель, но... Разве история Эны не свидетельствует, как удивительно вынослива жизнь? Уже несколько тысячелетий жители Эны находятся под воздействием излучений гораздо более сильных... Без них мы даже не могли бы...

— Молчи!.. Ты забываешь, что наши лучевые поля созданы искусственно. Их регулировали веками, приучая все живое к новым условиям. Разумеется, это был опасный эксперимент, но иного выхода у нас не было... Кроме того, в новые условия попали высокоорганизованные организмы; они более гибки, легче приспособились к изменениям... А на Мауне жесткие природные излучения постоянно обрушивают всю чудовищную мощь своих импульсов на поверхность планеты. В минувшие эпохи, когда Солнце пылало ярче, интенсивность жесткого излучения была еще более сильной... Живая плазма, даже если она и возникала при каких-то природных реакциях, должна была гибнуть в момент зарождения. Нет, дорогой мой, Мауна и Вея одинаково безжизненны, безжизненны, как и все остальные планеты Системы, за исключением... Эны... Да, теперь... за исключением Эны...

— Теперь, учитель?.. как странно прозвучало ваше «теперь»! А раньше?..

— Раньше?.. Нет-нет, я... вероятно, оговорился, Ассистент Од. Я думал только об... одной Эне...

— Об одной... Эне!.. Много раз Вы повторяли доводы о границе жизни в Системе. Разумеется, я должен верить, как верят все... Почти все... Но что-то восстает во мне... Не дает примириться... Неужели наша Эна — единственный оазис разумной жизни, жизни вообще в целой Системе?

— Жизнь — редчайшее явление материи. Разумная жизнь — редчайшее в редчайшем. Эна — величайшее исключение. Вся история ее цивилизации — трехсотвековая история народов Эны — подтверждает это. За тридцать тысяч лет ни один межпланетный, ни один межзвездный корабль не опустился на поверхность нашей планеты. А каждый путешественник, проникший в Систему, понял бы, что Эна населена разумными существами. Геометрически правильный узор Больших плантаций виден с громадного расстояния. В хорошие телескопы его, наверное, можно разглядеть даже с Мауны и Веи.

— Но узор плантаций обитаемой зоны существует лишь восемь тысяч лет, учитель...

— Я не забыл об этом, — голос Главного астронома снова стал резким. — А вот ты забываешь, что и в минувшие эпохи на Эне было немало знаков высокой цивилизации. Эти знаки должны были привлечь внимание космических путешественников... И никого... Величайшие ученые древности думали о пришельцах с иных планет. Искали их следы... Сохранилось описание лика Эны, составленное до первой термоядерной войны, — пятнадцать тысяч лет назад. Тогда на Эне существовали моря, стояли руины циклопических городов Эпохи древних царств, остатки каких-то еще более древних сооружений... Но среди них не было следов пришельцев. А космодромы сохранялись бы десятки тысячелетий. Нет, не триста веков нашей цивилизации, а пятьдесят-шестьдесят тысяч лет — вот время, за которое можно поручиться. И если за шестьсот веков ни один космический корабль не приблизился к такой планете, как Эна, значит...

Бесшумно отворилась дверь в глубине кабинета. Полоса неяркого красновато-перламутрового света легла на матово блеснувший пол. Высокая фигура, закутанная в длинный белый плащ, появилась в дверях и остановилась, словно в нерешительности.

— Мы здесь, Ия, — сказал Главный астроном. — Тебя прислал Председатель?

— Да, учитель. Он хочет говорить с Вами. Экраны волновой связи включат через пять минут. Он обратится сразу ко всем членам Совета. Объявит о заседании, которое состоится завтра...

— Иду, Ия... А ты, — Главный астроном повернулся к Ассистенту, — ты все-таки будешь сегодня дежурить у Большого телескопа?

— Не знаю, учитель. Ночью придет ураган...

— Да, — сказала Ия. — Ураган уже начался в западной пустыне. Через час он будет здесь. Лучше идем слушать музыку, Од.

— Я так ждал эту ночь...

— Од рожден фантазером, — усмехнулся Главный астроном. — Он все еще мечтает доказать, что на Мауне есть жизнь, даже ра-

зумная жизнь, Ия. Я не в силах разубедить его... Попробуй ты, девочка...

Главный астроном шагнул в светлый прямоугольник двери и исчез.

— Идем, Од, — тихо сказала Ия. — Идем, потому что ты уже ничего не успеешь доказать... Они... Они хотят повторить Великий Опыт... И выбор сделан — это Мауна...

ДРУГОГО ВЫХОДА НЕТ

Главный астроном задумчиво покачал головой:

— Не все члены Совета думают, как мы с вами.

— За Совет я ручаюсь, — голос Председателя был тверд и холоден. — Но молодежь...

— Молодежь! Если бы на Эне была молодежь!..

— Я имею в виду таких, как Ассистент Од.

— Он родился семьдесят лет назад.

— Да, когда-то этот возраст означал глубокую старость. Но мы победили время. В мои девятьсот сорок лет я не считаю себя стариком!

— Если бы понятие старости исчерпывалось суммой лет!.. — прошептал Главный астроном. — Жители Эны слишком дорого заплатили за свое бессмертие...

— До полного бессмертия нам еще далеко, — резко возразил Председатель. — Удалось лишь продлить жизнь...

— Тем более. Но две-три тысячи лет — практически бессмертие...

— Те, кто заседает в Кругу Жизни и Смерти, так не думают.

— Еще бы! Некоторым из них перевалило далеко за две тысячи. Думают ли они? Могут ли они вообще думать или окаменели заживо?..

— Это говорит Главный астроном Эны, — в голосе Председателя прозвучало удивление. — Дорогой Ит, так, кажется, тебя называли тысячу лет назад, позволь спросить, что с тобой?.. Наши предки сами выбрали то, что мы зовем бессмертием. Смерть или бессмертие — другого пути не было. Если бы не удалось продлить жизнь немногих, Эна давно была бы мертва. И мертвые пески пустынь уже засыпали бы руины великой цивилизации.

— Все это — не более чем отсрочка. Нас осталось слишком мало — «бессмертных»... Добившись бессмертия единиц, мы окончательно потеряли бессмертие народа и обречены на исчезновение...

— Ты теряешь ценное чувство объективности, Главный астроном Эны. Рождаемость начала падать задолго до опытов продления жизни. Вспомни...

— Кто не помнит!.. Три термоядерных войны, лучевое заражение вод, воздуха и почвы. Гибель всего живого... Уцелели лишь немногие растения и горстка энов. Но уцелевшие растения восстановили способность размножаться, а уцелевшие эны попытались спастись от смерти «бессмертием». И вот результат: Ия последняя, рожденная на Эне...

— Да... это правда... Ия была последней... С тех пор минуло... пятьдесят лет...

— Вот — главное, Председатель, а не опыты дальнейшего продления жизни. На Эне все отравлено излучением... И на Эне и на ее спутниках. И последняя дочь Эны рождена полвека назад. За полвека ни одного рождения. А сколько «бессмертных» умерло, это тайна Круга Жизни и Смерти, не так ли? Выход остался один... Если он еще существует...

— Нет, старый Ит. То, что ты предлагал — не выход. Нас слишком мало. Мы не имеем права рисковать даже немногими. Надо действовать наверняка. Второй Опыт сейчас необходим... И не только затем, чтобы искать пути продления жизни давно живущих... Нет, Ит, дело обстоит гораздо серьезнее... В ближайший год положение Мауны наиболее благоприятно...

— Не Опыт, а межпланетная экспедиция, Председатель. Нашлись бы смельчаки... И хватило бы для нее энергии, если прекратить...

— Молчи, Ит! Это страшно, что ты хочешь сказать... Подумай об ответственности перед Кругом Жизни и Смерти...

— Подумай и ты, Председатель, о... заколдованном круге, из которого нет выхода...

Главный астроном умолк. Председатель тоже молчал, устремив взгляд на серебристые экраны.

«Через минуту они осветятся. И надо говорить. Члены Совета ждут...» Председатель вдруг ощутил усталость и пустоту.

«Что сказать, если даже старый Ит?..»

Из-под густых седых бровей он бросил быстрый взгляд на Главного астронома. Их глаза встретились...

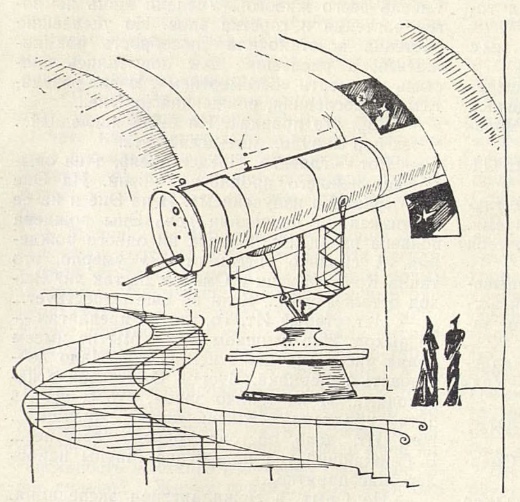
— Ты не поддержишь меня, Ит? — тихо спросил Председатель.

Главный астроном печально покачал головой.

— Поддержу. У меня тоже нет... другого выхода. Ни у кого из нас нет выхода... Мы сами создали свой заколдованный круг.

МАУНА

Ия и Од поднялись по винтовой лестнице в башню Большого телескопа. Огромный слабо освещенный зал был пуст. Сплетения металлических рам поддерживали гигантскую трубу — самый зоркий глаз Эны, постоянно нацеленный в дали Космоса.

. Од подошел к пульту управления, бросил взгляд на приборы.

— Остается двадцать минут до начала моих наблюдений, но...

— Ты ничего не успеешь сделать, — повторила Ия.

Од взял девушку за руку.

— Говори, — попросил он.

Ия пугливо оглянулась.

— Здесь нет никого, — успокоил Од. — Сегодня ночью дежурю только я.

— Выйдем на наружный балкон, — предложила Ия.

— Солнце зашло два часа назад. Холод уже очень силен.

— Выйдем, Од...

Не выпуская руки Ии, Од провел девушку между ажурными сплетениями матово поблескивающего металла к маленькой двери в стене зала. Нажал кнопку. Дверь бесшумно скользнула в сторону. Из открывшегося коридора пахнуло холодом. В небольшой нише у входа висели длинные красные плащи с коническими капюшонами.

Од взял один из них, набросил на плечи Ии. Поднял высокий капюшон. Эластичная ткань капюшона спереди была совершенно прозрачна и не скрывала лица.

Закутавшись в другой плащ и тоже подняв капюшон, Од шагнул в коридор. Ия последовала за ним. Сзади прошелестела закрывшаяся дверь. Коридор плавно изгибался. Несколько шагов, — и они очутились перед второй дверью. Од повернул рычаг в стене. Дверь отодвинулась. Открылась чернота неба, пронизанная колючими искрами звезд. Оттуда, из этой сверкающей звездами тьмы, ударил леденящий вихрь.

Держась за руки, пригибаясь при порывах ветра, Од и Ия добрались до каменной балюстрады, которая опоясывала широкую террасу. Под ногами скрипел песок, занесенный ураганом снизу, из пустыни. У подножия башни ярко светились окна массивных зданий обсерватории. Временами их свет мутнел в струях песка и пыли, которые гнал ураган. На западе звезды уже исчезали в непроглядной пылевой завесе.

— В неудачном месте построили обсерваторию, — шепнула Ия, приблизив свой капюшон к самому лицу Ода.

Ассистент отрицательно качнул головой:

— Раньше здесь не было таких бурь. Воздух днем и ночью был чист и прозрачен. Климат Эны ухудшается год от года.

— Почему, Од?

— Наши предки лишили Эну ее океанов. Теперь мы бессильны перед наступлением песков. Дыхание пустынь в этих порывах урагана, голос смерти в его свисте. Мы — последнее поколение умирающей планеты...

— Но мы овладели бессмертием, Од...

— А зачем оно, если мы не способны продолжить жизнь, не способны дать новых поколений. Для кого наш труд? Для самих себя? Предки, дав нам бессмертие, отняли будущее...

— Страшно, что ты говоришь, Од. Но должен же быть выход. Наши ученые знают так много...

— Увы, Ия... Они знают бесконечно мало... Они знают только страшный опыт своей многовековой истории. А что такое Эна и ее цивилизации в бездне Вселенной!.. Учитель считает, что мы одиноки в Космосе, что разум

неповторим. За ним опыт трехсот веков. Но наши триста веков — ничтожные секунды бесконечного времени Вселенной. Посмотри, сколько миров вокруг! У этих далеких солнц есть планеты. Неужели они безжизненны? Нет, Ия, не могу поверить в наше одиночество... И если мы не одиноки, в этом величайшая сила жизни. Может быть, в этом спасение древней цивилизации Эны...

Вот ты сказала, что наши ученые знают много. Допустим, это правда. Однако знать недостаточно... Надо еще и уметь: уметь дерзать, уметь добиваться поставленной цели, уметь доказать силу знания... Но, опасаясь за свою бессмертную жизнь, жители Эны давно перестали дерзать, они страшатся риска... Мы до сих пор остаемся пленниками Эны. Наши предки построили огромные искусственные спутники, целые планеты, а мы — продолжатели их дел, не осмеливаемся проникнуть дальше орбит этих спутников.

Посмотри, там светит зеленая Мауна — наша ближайшая соседка в Системе. Что мы знаем о ней? О, с какой радостью я отдал бы бессмертие за возможность межпланетного полета. Я был бы счастлив отдать саму жизнь ради доказательств жизни на других планетах.

— Молчи, Од, это страшное кощунство. Ничего нет ценнее жизни. Если тебя услышат...

— Я готов повторить перед Кругом Жизни и Смерти...

— Молчи... Мне страшно за тебя. Не надо больше об этом. Слушай... Мне кажется, ты не совсем прав. Они ищут выход. Поэтому и хотят повторить Опыт...

— Решение уже принято?

— Нет... Сначала будет обсуждение на Совете. Председатель приехал к твоему учителю. Он ищет поддержки. Отсюда они обратятся по каналам волновой связи к членам Совета и объявят о заседании. Рекомендацию Совета утвердит Круг Жизни и Смерти.

— А когда намечено провести Опыт?

— Это держат в секрете, но... мне кажется, я слышала... они торопятся. В ближайшие месяцы положение Мауны наиболее благоприятно.

— Но какое у нас право для Опыта? Какое право, Ия?.. А если на Мауне все-таки есть жизнь? Если ее населяют разумные существа? Мы же ничего не знаем...

— Ты увлекаешься, Од. С равным основанием можно предполагать жизнь и на Вее... и на Орте с его удивительным кольцом...

— Ия, ты когда-нибудь смотрела на Мауну в Большой телескоп Эны?

— Никогда.

— Тогда идем, я тебе покажу что-то такое... Как раз подходит мое время наблюдений. У нас еще есть несколько минут, прежде чем песчаная туча скроет Мауну...

ВЫСШИЙ СОВЕТ ЭНЫ РЕШАЕТ

Заседание Высшего Совета Эны продолжалось уже несколько часов. Десятки ораторов сменили друг друга на высокой трибуне, вознесенной над огромным амфитеатром зала.

Ассистент Од, сидевший рядом с Ией в одной из боковых лож, тихо сказал:

— Этот старинный зал помнит далекие времена, когда на заседаниях Совета он бывал полон, а сейчас...

Од указал на пустые ряды колоссального амфитеатра. Всего несколько сот энов находилось под прозрачным параболическим куполом древнего здания.

— Сейчас все население Эны поместилось бы здесь, — грустно шепнула Ия.

— Боюсь, что еще осталось бы немало свободных мест...

Осветился широкий голубой экран над столом президиума. Председатель встал, поднял руку.

— Будет говорить высокочтимый учитель Хор. Он не мог прибыть на заседание. Он обращается к членам Совета и приглашенным из города Уединения...

Шелест пробежал по рядам присутствующих.

Сзади зашумели. На балконе высокий меднолицый человек с бритой головой протестующе взмахнул рукой и крикнул:

— Неправильно, Председатель! Члены Совета должны выступать лично тут, в этом зале. Иначе все голоса мертвецов Эны...

Его крик потонул в общем гуле.

— Это Шу — математик и философ, — сказал Од в ответ на вопросительный взгляд Ии. — Он член Совета, но он тоже против...

Председатель покачал головой, протянул руку, требуя тишины. Гул постепенно затихал.

— Мне тяжело и больно слышать твой упрек, Шу, — резким звенящим голосом бросил Председатель. — Чему ты веришь, если перестал доверять Высшему Совету? И какой пример даешь молодежи!.. Я мог бы проголосо-

вать вопрос о доверии. И ты был бы посрамлен... Но я не сделаю этого. Я напомню всем старинный закон Эны. Каждый член Круга Жизни и Смерти имеет право один раз выступить на Совете, не присутствуя лично в этом зале. Знайте все, высокочтимый учитель Хор — член Круга Жизни и Смерти. На этот раз он воспользуется своим правом. Слушайте все! Будет говорить член Круга Жизни и Смерти — высокочтимый учитель Хор.

Огромный зал замер в напряженной тишине. Все взгляды обратились к голубому экрану. Од почувствовал, что тонкие пальцы Ии сжали ему руку.

Экран постепенно светлел, становился глубоким и прозрачным. Потом он исчез. В возникшей пустоте появилась белая фигура. Она приближалась, заполняя провал экрана.

Что-то похожее на вздох пронеслось над залом.

На месте экрана в глубоком кресле полулежал древний старик. Его обтянутый коричневой кожей череп свесился на грудь, высохшие руки бессильно раскинулись на складках белого плаща. Казалось, старик спал.

В тишине негромко прозвучал голос Председателя:

— Учитель Хор, Совет слушает тебя...

Старик медленно поднял голову. Приоткрыл тяжелые складки век. Тусклый взгляд его глаз был неподвижен. Лицо, изрытое темными морщинами, казалось окаменевшим. Он беззвучно пожевал тонкими фиолетовыми губами и снова закрыл глаза.

Потом, не поднимая век, глухо заговорил:

— Бессмертные дети Эны, я слышал все, что вы говорили сегодня. Правы те, кто видит выход в повторении Великого Опыта. Мы имеем на него право; мы — единственные хозяева Системы и, быть может, единственные дети Разума этой Галактики. У нас хватит сил осуществить Второй Опыт... Уже через год каскады радиоактивных метеоритов обрушатся на поверхность Эны, неся нам залог дальнейшего бессмертия. Они не страшны подземным городам, а если пострадают наземные сооружения, мы легко восстановим их, после того как метеоритные потоки пойдут на убыль. Вы слышали расчеты... В течение ста двадцати лет после осуществления Опыта дважды в год Эна будет проходить через облака радиоактивной пыли. Метеориты принесут новые запасы радиоактивных веществ, которых должно хватить на сорок — пятьдесят тысяч лет. За этот срок наши ученые найдут иной рецепт бессмертия, чем непрерывное радиоактивное облучение...

Короткий прерывистый смешок прозвучал в глубине огромного зала.

— Ты напрасно смеешься, Шу, — не поднимая век, продолжал старый Хор. — Напрасно смеешься над моими словами. Я гораздо старше тебя и все-таки верю, что доживу до того момента, когда... цена бессмертия... будет иной, чем сейчас. А сейчас, бессмертные дети Эны, у нас нет иного выхода. Круг Жизни и Смерти поручил мне открыть вам одну тайну... Запасы металла, который дает нам бессмертие, на исходе, месторождения нашей планеты давно выработаны. Метеоритные потоки ослабли. Спорить не о чем. Единственный выход — Второй Великий Опыт. Единственный объект Второго Опыта — ближайшая к нам планета Мауна... Я кончил...

Давно исчезла сгорбленная фигура старого Хора, давно погас широкий голубой экран, а под прозрачным параболическим куполом огромного зала еще царила глубокая тишина. Пораженные словами Хора члены Совета и гости молчали. Никто не переговаривался с соседями, никто не просил слова.

Потом на балконе встал со своего места математик и философ Шу.

— Я имею вопросы к Совету и к тебе, Председатель, — громко произнес он. — Почему никто из нас — членов Совета — до этой минуты не знал, что положение так серьезно? Почему от нас все скрывают? И еще вопрос: слабость, апатия, потеря интереса к жизни, на которые последнее время жалуются многие эны, не результат ли это падения мощности Реакторов бессмертия?

— На первый вопрос я не могу дать ответа, коллега Шу, — медленно сказал Председатель. — Так решил Круг Жизни и Смерти. Обратись лично к Членам Круга... если ты знаешь их...

— Если бы мы знали их, — скривился Шу, — впрочем, теперь-то я знаю, что старый Хор — один из членов Круга, но, право, я не уверен...

Шу умолк, испытующе глядя на Председателя, потом добавил:

— Ты еще не ответил на последний вопрос...

— Я не ответил бы и на твой последний вопрос, Шу, ибо все, что связано с работой Реакторов бессмертия, является тайной Круга Жизни и Смерти. И ты превосходно знаешь это. Но Круг приказал мне дополнить сообщение высокочтимого учителя Хора... Дело в том, что для поддержания индексов бессмертия на постояном уровне, мощность реакторов должна систематически увеличиваться. Постепенное уменьшение запасов ра-

диоактивного горючего заставило Круг Жизни и Смерти последние несколько лет сохранять мощность реакторов постоянной. Возможно, что некоторые эны уже почувствовали...

Шум в зале заставил Председателя умолкнуть. Послышались возмущенные возгласы. Многие из присутствующих поднимали руки, требуя слова.

— Кончайте глупую комедию! — громко крикнул со своего места Шу.

— Мы хотим знать!..

— Позор!

— Конституция Совета и Круга должна быть пересмотрена!

— Уже столетия мы лишены правдивой информации.

— Слова, слова!

— Слово имеет член Совета, Главный астроном Эны, — объявил Председатель.

— Он-то как раз не просил слова! — насмешливо крикнул Шу.

В зале зашикали. Главный астроном уже поднимался на высокую трибуну.

Опершись руками о резную балюстраду, он дождался, пока стало тихо. Потом заговорил, глядя поверх голов присутствующих:

— Уважаемые члены Совета, гости, все жители Эны, вопрос слишком важен, чтобы его можно было решить, не обсуждая. Совет хотел знать мнение большинства энов и, уже взвесив все, раскрыть то, что до сегодняшнего дня было известно немногим. Некоторые из присутствующих высказались за повторение Опыта еще до того, как узнали все. Те, кто был против, имели время одуматься, сопоставить весомость возражений с серьезностью ситуации... Я... высказываюсь за повторение Великого Опыта и предлагаю поставить вопрос на голосование. И еще я предлагаю, чтобы в голосовании участвовали не только члены Совета, но и все присутствующие здесь. Я напомню, что когда решался вопрос о Первом Великом Опыте — о судьбе планеты Фои, — решение принималось на всеобщем референдуме. Тогда все жители Эны сказали свое «да»...

— И многие из них поплатились за это своей бесценной жизнью! — крикнул Шу.

— Верно, коллега Шу, — повысил голос Главный астроном, — Первый Великий Опыт повлек жертвы на нашей планете. Но, во-первых, ученые Эны еще не умели в те времена точно рассчитывать необходимую силу поражающего удара, во-вторых, орбита Фои проходила гораздо ближе к нашей планете, чем орбита Мауны, и в-третьих, часть населения в ту эпоху жила в городах, расположенных на поверхности Эны. При всем несовершенстве Первого Опыта, он дал горючее для Реакторов бессмертия почти на две тысячи лет. Я могу подтвердить цифры, которые назвал высокочтимый учитель Хор. Превращение Мауны в радиоактивное пылевое облако обеспечит нас необходимой энергией на сорок — пятьдесят тысяч лет...

— И, конечно, можете подтвердить, что Мауна так же безжизненна, как и Фоя? — снова крикнул Шу.

Главный астроном испытующе глянул на математика, потом отвел глаза и, уже сходя с трибуны, негромко сказал:

— Я могу подтвердить, что Фоя и Мауна — планеты одного типа, со сходным строением и... близкими условиями на их поверхности.

— Кто возражает против общего голосования? — спросил Председатель.

Ответом было молчание. Ассистент Од хотел встать, но Ия удержала его.

— Есть ли желающие выступить еще? — снова послышался голос Председателя.

— Есть, — негромко, но внятно произнес Од.

Все взгляды обратились на его ложу.

— Од, — умоляюще прошептала Ия.

Но Ассистент Од уже стремительно шел к трибуне.

— Простите за дерзость, высокочтимые члены Высшего Совета Эны, глубокоуважаемые учителя и наставники, — взволнованно начал Од, взбежав на трибуну. — Вероятно, мне не следовало выступать здесь... И я не дерзнул бы, если бы не роковое решение, которое все готовы принять. Прошу выслушать меня, прежде чем вы нажмете клавиши голосования. Некоторые из присутствующих знают, что я уже тридцать лет изучаю Мауну...

— И теперь боишься лишиться объекта исследований! — насмешливо крикнули из зала.

— Не прерывайте, — загудел на балконе бас Шу. — Ассистенту Оду есть что сказать...

— Уже тридцать лет я изучаю Мауну, — повторил Од. — С того времени, как на нее был запущен термоядерный зонд. Вы знаете, что взрыв произошел в атмосфере Мауны при отсутствии облаков в области большого темного пятна в северном полушарии. Результаты взрыва тогда ни у кого не вызвали сомнений. Напомню их. Темная окраска эпицентра взрыва вначале не изменилась. Это дало основание некоторым ученым утверждать, что взрыв произошел слишком высоко и зона высоких температур не достигла поверхности планеты.

Мой высокочтимый учитель — Главный астроном Эны, производивший расчеты траектории термоядерного зонда, предположил, что Большое темное пятно Мауны это выходы скальных пород, на которых эффект взрыва никак не отразился... Через некоторое время облака покрыли место взрыва, и, когда они разошлись, эпицентр представлял собой отчетливый белый овал. Такой же белый, как полярные области Мауны. В течение нескольких лет пятно на месте взрыва вызывало ожесточенные споры. Одни его видели, другие нет. Сопоставив моменты наблюдений, удалось доказать, что эпицентр взрыва был виден лишь тогда, когда в северном полушарии Мауны наступала зима и граница северной полярной шапки смещалась далеко к югу.

— Короче! — закричали из зала. — Это известно...

— Говори о главном, Од, — снова послышался голос Шу.

— Главное в том, что через несколько лет после зондирования пятно в эпицентре взрыва постепенно исчезло и больше никто его не видел ни в зимние, ни в летние периоды Мауны.

Од замолчал.

— Ну и что же? — раздалось несколько голосов.

— А то, — медленно произнес Од — что все эти явления могут быть объяснены только однозначно. Большое темное пятно в северном полушарии Мауны — огромный массив растительности. Это не травы и не кустарники Эны, а что-то более крупное. В слоях минувших геологических эпох Эны тоже известны остатки таких растений-гигантов, более высоких, чем многоэтажные здания. Кроны этих гигантских растений сохраняются и в зимние периоды. Атмосфера Мауны очень подвижна. Ветра сдувают иней или снег с этих растений, а почва не просвечивает сквозь их густые кроны. Поэтому большое темное пятно всегда остается темным, хотя его структура зимой несколько иная, чем летом... Взрыв уничтожил и крупные растения и снег на поверхности Мауны. Поэтому эпицентр взрыва вначале был темным и не отличался от окружающих пространств, занятых растительностью. После выпадения атмосферных осадков в виде инея или снега эпицентр взрыва, лишенный растительности, стал белым. Мы его увидели. По этой же причине его всегда видели в зимние периоды северного полушария. Летом цвет грунта, покрытого быстро восстановившейся мелкой растительностью, был неотличим от цвета окружающих пространств. С течением лет восстановилась и крупная растительность в эпицентре. Место взрыва стало невидимым.

— Все было бы очень стройно, если бы не одно «но», — вкрадчиво заметил Председатель. — Это «но» — спектр большого темного

пятна Мауны. Спектр корренным образом противоречит твоей гипотезе, Од.

— А почему цвет растительности должен быть обязательно красноватым, как у нас на Эне? — возразил Од. — Почему не предположить, что растения Мауны, возникшие в густой атмосфере богатой парами воды, в условиях большей близости к Солнцу, не обладают иной окраской...

— Какой?

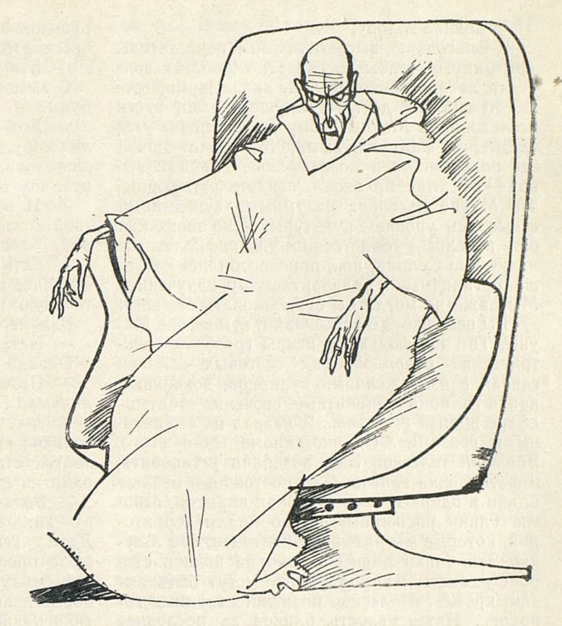
Од замялся:

— Ну, например... синей, голубой, даже зеленой...

— В этом твоя слабость, Ассистент Од, — сказал Председатель.— Чтобы доказать одно маловероятное предположение, ты вынужден прибегать к еще менее вероятным. Такой растительности мы не знаем: ни сейчас, ни в прошлом Эны. Молодость в какой-то степени извиняет тебя... Однако здесь, в этом зале, нельзя выступать с непродуманными фантазиями. Запомни сегодняшний день, Ассистент Од.

Од опустил голову.

— Ты кончил? — спросил Председатель.

Од отрицательно покачал головой.

Председатель пожал плечами и укоризненно взглянул на Главного астронома, сидевшего рядом за столом президиума.

— Может быть, достаточно? — процедил, почти не разжимая губ, Главный астроном.

— Может быть,— как эхо повторил Од,— может быть, потому что не знаю, как пробить броню вашей убежденности в однажды установленных истинах. И еще одно... Нас осталось так мало. Круг изучаемого бесконечен. Каждым исследованием может заниматься только один из нас. Все мы чудовищно одиноки в своих интересах и знаниях. Спорить как равный с равными...

— Ассистент Од! — строго перебил Председатель.

— Обсуждать открытий не с кем,— словно не слыша, продолжал Од.— Раньше результаты исследований размножали на копировальных машинах, рассылали во многие библиотеки. Сейчас все остается в рукописях. В мои рукописи за целые десятилетия не заглядывал никто... И вот что теперь получилось... Я убежден, что на Мауне есть жизнь, которую вы готовы уничтожить. А как убедить вас? Не хватит ночи, чтобы рассказать... о том... что знаю...

— Скажи о главном, самом главном, Од! — крикнул Шу.— Какой злой дух минувших эпох надоумил тебя начать с термоядерного зонда! Слишком многие из сидящих здесь осрамились с этим зондом, в том числе и твой учитель. А ты не нашел ничего лучшего, как напомнить...

Шум возмущения заглушил слова Шу. На толстых губах математика появилась уничтожающая усмешка. Он скрестил руки на широкой груди и умолк.

— Я лишаю слова Ассистента Ода, — объявил Председатель.

— Не имеешь права! — закричал, сложив руки рупором, Шу.— Меня, вероятно, уже можешь, а его еще нет, если, конечно, он хочет продолжать...

Зал загудел с новой силой.

Председатель, пошептавшись с соседями, встал. Прошло несколько минут, прежде чем в зале стало относительно тихо.

— Президиум дает Ассистенту Оду три минуты, чтобы закончить... гм... выступление... Президиум лишает члена Высшего Совета математика Шу права голоса до начала голосования. Включаю часы оставшегося времени.

Послышалось негромкое щелканье метронома.

Од поднял голову:

— Благодарю, высокочтимый Председатель. Три минуты, чтобы рассказать о работах тридцати лет... Я воспользуюсь лишь двумя, третья нужна для другого. Слушайте. Вот итоги исследования Мауны. Кому они не покажутся чрезмерно фантастичными, тот может найти все подробности в моем архиве. Главный вывод — имеются признаки, свидетельствующие, что Мауна населена разумными существами с высоким уровнем культуры. Я не знаю, как они переносят убийственное ультрафиолетовое излучение Солнца, но... приспособились же наши организмы к радиоактивному излучению. Мы даже не могли бы существовать без него.

Вы все знаете о вспышках в атмосфере Мауны. Там наблюдаются искры грозовых электрических разрядов, ряд световых явлений связан с извержениями вулканов, возникают какие-то пока непонятные свечения в атмосфере вблизи полюсов... Я назвал их «медленными грозами». Однако, кроме всего этого, Большой телескоп Эны позволил установить, а фотопленки запечатлели постоянные ночные блики в одних и тех же точках планеты. Многие блики располагаются по краям территорий, которые мы называем континентами Мауны. Эти блики видны только на ночной стороне планеты и, по-моему, не могут быть ничем, кроме... отблесков больших наземных городов... Интенсивность бликов за последнее десятилетие увеличилась. Вероятно, города жителей Мауны растут.

В отдельных точках удалось фиксировать мгновенные вспышки огромной яркости. Источник вспышек — термоядерные взрывы. Эти взрывы не могут быть природными. Они искусственные... Сначала мне пришла в голову мысль о термоядерной войне, которую ведут друг с другом жители Мауны, подобно тому как некогда воевали наши предки. Однако местоположение термоядерных вспышек скорее говорит о другом. Это испытательные взрывы. Они пока производятся на очень больших расстояниях от ближайших городов. Наконец...

— Осталась одна минута, Ассистент Од, — раздельно произнес Председатель.

— Кончаю. Обращаюсь с просьбой к присутствующим здесь: отложите голосование... В ангарах Большого спутника еще сохранились межпланетные корабли, построенные тогда, когда жители Эны не были... бессмертными. Я готов лететь один на Мауну и привезу оттуда доказательства разумной жизни. Поймите, установление связей с жителями иных планет — единственный путь к бессмертию культуры энов и... самого нашего народа. Разрушение других планет — только отсрочка, бессмертные жители моей родной планеты...

— Все! — сказал Председатель.

С высоко поднятой головой Од сошел с трибуны.

— Вот когда нужно было выступать учителю Хору, — шепнул Главный астроном. — Мы ошиблись, Председатель. Од оказался сильнее, чем мы думали.

— И в этом виноват только ты. Ведь он твой Ассистент, — бросил Председатель, вставая.

— Есть ли желающие выступить еще? — произнес он традиционную формулу, обязательную перед началом голосования.

Зал нерешительно загудел.

— Нет? — повторил Председатель, — тогда...

Однако несколько голосов прервали его.

— Придется продолжать прения, — устало подумал Председатель. — Глупцы!..

К трибуне уже ковылял кругленький, маленький старичок — философ и лингвист Эг — знаток ста пятидесяти мертвых языков Эны, один из старейших членов Совета.

— Задачу нам задал молодой человек, этот, ну как его, — начал Эг и закашлялся. — Да-с... Теперь, пожалуйста, решай. С Фоей было просто. Хорошо помню... Это, как его... референдум. Проголосовали: девятьсот девяносто девять из тысячи «за»... Подготовили транспланетный корабль с аннигилиновым зарядом. Запускали, не соврать бы, с космодрома, что был в Черной пустыне. Запустили прямо в сторону Фои... Это была ошибка, да-с. Через месяц трах... На небе новая звезда размером с маленькую Луну. Правда, погасла быстро... А через полгода началось. Пришлось перебираться в подземные города... Кошмар... Я тогда юнцом был, а помню хорошо... Самый крупный метеорит упал на руины Заки-оба. Был в древности такой город... Да-с... Жителей там, чтобы не соврать, считалось до пяти миллионов. Досталось ему во время второй термоядерной войны, а окончательно сожгли в третью. Но руины кое-какие стояли. Одно время думали превратить в музей. А после падения метеорита получилась воронка площадью примерно в четыре Заки-оба... И метеорит вдобавок почти пустой оказался — осколок внешней оболочки Фои. Радиоактивных элементов меньше, чем воды на экваторе. Даже не стали разрабатывать...

Позвольте, а о чем я, собственно, хотел сказать?.. Повторение Великого Опыта? Ну как же, помню, помню... Мауна? Но я позволю себе задать один вопрос. Только один, высокочтимые члены Совета. А почему, собственно, Мауна? Почему? Почему, скажем, не Вея,

не Орт, не еще там что-нибудь... Молодым людям, конечно, свойственны заблуждения... Ну, а вдруг этот юноша не совсем ошибается? Даже если на четверть он прав, и то надо подумать... Да-с... Я-то, конечно, во все эти бредни не верю, — вдруг закричал старичок, — не верю, но от голосования воздержался бы! Да-с...

— Какой же выход Вы предлагаете, учитель Эг? — покусывая губы, спросил Председатель.

— А никакого! Да-с, — снова крикнул старичок. — Думайте...

И он начал спускаться с высокой трибуны, озабоченно поглядывая себе под ноги и придерживаясь обеими руками за блестящие металлопластовые перила.

Прения разгорелись с новой силой. В потоке насмешек и обвинений, адресованных Ассистенту Оду, прозвучало несколько голосов, требующих изменить объект Великого Опыта. Называли Вею и даже Мео — ближайшую к Солнцу самую маленькую планету Системы.

— Ты должен выступить еще раз, — сказал Председатель, наклоняясь к самому уху Главного астронома. — Ты производил расчеты. Объясни им, что уничтожение Веи не даст и десятой доли того, что рассчитываем получить от Мауны. Скажи, наконец, что Ассистент Од — фантазер и глупец...

— Ты требуешь от меня слишком многого, Председатель, — покачал головой Главный астроном. — Я обещал тебе поддержку и выступил на Совете... Но я не могу... выступать еще раз. Вспомни канон Высшего Совета... И потом... я не хотел бы разделить судьбу астронома Уота. Имя его предано проклятию и забвению, а сам он... Ты должен знать это.

— Клянусь, не знаю. И не понимаю, какое отношение...

Главный астроном проницательно глянул в настороженные глаза Председателя.

— Не понимаешь? И никогда не слышал о метеорите Заки-оба, о котором здесь так некстати напомнил старый Эг?

— О метеорите что-то припоминаю. Это было давно...

— Но сейчас это так близко нам... Астроном Уот много лет изучал Фою.— Он утверждал, что она лишена атмосферы, воды, жизни. Он твердил, что Фоя самый подходящий объект для Великого Опыта... Произвел все расчеты... Перед референдумом он публично...

— Да-да... Его выступление принесло успех референдуму. А потом, когда метеоритные потоки начали разрушать города Эны, Уота поставили перед Кругом Жизни и Смерти. Разумеется, несправедливость... Но ведь это случилось две тысячи лет назад.

— Круг Жизни и Смерти судил астронома Уота не за разрушительные метеоритные потоки, Председатель. Здесь не место для этих воспоминаний. Очередной оратор кончает. И никто не просит слова... Тебе надо вести заседание...

Последний из выступавших умолк и сошел с трибуны. Желающих говорить больше не было. Зал напряженно ждал.

Продолжение следует

ЛУННАЯ КАРУСЕЛЬ

РАССКАЗ

Видел я лес во все времена года, при разной погоде. И от каждой встречи с любимым другом оставалось свое, особое, долго волнующее впечатление.

Больше всего запомнился зимний березняк ночью. В трескучий январский мороз пригласил меня приятель на заячьи засидки.

Стояла пора полнолуния. Спящий мир был залит неярким таинственным светом. Снег окрасился голубым. На голубое упали черные тени деревьев.

У настоящего леса появился двойник — точная копия. Все есть, даже просеки: пространства между тенями.

Отправился я по ним, махнув рукой на косых, а то в легком пальтишке стужа до костей пробирает. Окоченеешь к утру.

Иду. Луна на высотку небесную взобралась, а на месте не держится, потихонечку влево катит. Просеки соответственно ей поворачиваются, деревья-тени круг совершают. В общем, карусель получается.

Я на просеки ориентируюсь, вместе с ними путешествую.

У луны свой график есть, вышло время — она и погасла.

А я оказался близ нашей засидки. Встает от куста приятель с болтающимся жалко у пояса зайчишкой, кричит насмешливо:

— Много ли длинноухих настрелял?

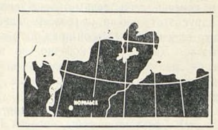
— Длинноухих, — отвечаю, — бивал. На мою долю еще остались, а вот ты в лунной карусели катался?

— Нет, — сознался он, — а что это такое?

Н. Смирнов

В редакцию пришел путешественник

ПЕРВАЯ РУДА ТАЛНАХА

этот кусочек добыт с глубины 219 метров

Как это было

В 25 километрах от Норильска геологи обнаружили громадные залежи руд. Там есть и медь, и никель, и кобальт, и каменный уголь, — целый букет очень нужных стране минералов.

Накануне первомайского праздника к горам Каралаха пытались пробиться вездеходы на широких танковых гусеницах, но им это не удалось из-за огромных скоплений снега.

Тогда кто-то предложил построить ледяную дорогу. Снег стали поливать мощной струей воды, и мороз мгновенно схватил верхний слой, образуя твердую корку.

За несколько дней скользкую трассу дотянули до маленькой сопочки у горного хребта. Здесь Коля Баженов с четырьмя парнями выгрузили из кузова топоры, пилы, гвозди, доски.

Вскоре шоферы притащили на буксире из Норильска небольшой деревянный домик — балок. Ребята построили в нем многоярусные нары и назвали свое жилье гостиницей «Северный полюс», а себя полярниками.

Приближалась весна. Площадка для приема грузов была достаточно утрамбована. На помощь «полярникам» прислали еще восемь человек, и пошли машины безостановочно. Через какой-то месяц ледяная дорога должна была исчезнуть под лучами солнца, а по болотам и озерам до Каралаха вездеходом пробираться очень долго.

От Талнаха ближе до Северного полюса, чем до краевого центра Красноярска. Среднегодовая температура на Талнахе — 8,5°. 90 дней в году — сплошные пурги.

Первую медь в районе Талнаха добыл купец Сотников в XIX веке. Его печи дали 200 пудов металла и провалились в вечную мерзлоту.

+ 4 МЕТРА (ТОЛЩИНА СНЕГА)

На маленькой площадке становилось уже тесно от ящиков, мешков с цементом, бревен, кирпичей.

Бородатые геологи каким-то чудом приволокли на тракторных санях целую смонтированную буровую вышку, несколько бочек топлива и запас продовольствия.

Заухала буровая. Долото постепенно проникало в слои породы, и через каждые полметра из скважины вытаскивали пробу — керн.

Тогда-то и примчался на великолепных нартах старик-ненец. Он остановил оленей у самой буровой и заходил вокруг вышки, цокая языком от восхищения.

«Будь гостем, старик!» — приветствовали его геологи, а один из них поднес ненцу на меховой рукавице кусок только что вытащенного из-под земли керна, в котором жилками голубого пламени сверкал никель.

— Бери, старик! Это тебе подарок от тундры! — Ненец вдруг оцепенел, смотрел испуганно на рукавицу с рудой, потом вскочил на нарты и с криком «Талнах, Талнах» погнал упряжку.

— Постой, да куда же ты?! — кричали ему вдогонку геологи, не понимая, что случилось. Но упряжка, поднимая клубы снежной пыли, скрылась за бугром.

И только спустя некоторое время ребята узнали, почему умчался старый ненец. По преданию коренных жителей тундры в земле живет злой дух Талнах. Выпускать его нельзя ни в коем случае, иначе не будет удачной охоты, рыба уйдет в океан...

— Что ж, Талнах так Талнах! — решили геологи. — Талнах еще послужит людям!

Так появилась табличка: «Поселок Талнах».

В 1860 году географ С. П. Кривошапкин писал об этих местах: здесь начинается местность самая пустынная и печальная, какая только есть на земле.

0 МЕТРОВ (СНЕГ РАСТАЯЛ)

— Парни! — заорал Каблуков. — Смотрите!

Ребята разинули рты. Такого им видеть не приходилось: три пня по четыре метра высотой!

— Это я срубил три лиственницы, когда высадился здесь, — объяснял Коля Баженов.

Вечером жгли костры от комаров и неожиданно поймали медвежонка. Он сопротивлялся, страшно рычал, ободрал кое-кому руки. Его привязали на цепь к колу в палаточном городке.

Мишка не подпускал к себе никого, — еду ему подавали на длинной палке, чтобы ненароком не цапнул. С грустью наблюдал звереныш, как вокруг тянут бревна, укладывают фундаменты, как мчатся в тундру вездеходы, а в сторону города прямо по болотам и озерам уходит насыпь дороги.

Исчезли в лесу замшелые тропки, — на их месте встали белые палатки строителей.

В 1886 году в этих местах побывала экспедиция магистра Ф. Б. Шмидта. Она нашла первосортные бивни мамонта и целые окаменелые скалы теплолюбивых растений.

- 0,15 м...
- 0,2 м...
- 0,5 м...

Первый ствол шахты начали бить там, где больше всего росло брусники и грибов. Да и до рудной жилы отсюда не так глубоко — «всего» 315 метров.

- 2 МЕТРА (ПОШЛА ВОДА)

В 1956 году в районе Норильска нашли труп мамонта. Мясо было свежее и даже шерсть сохранилась в вечной мерзлоте.

Особенно достается бригаде Толика Лёгких. Ребята дразнят его «Трудных», потому что участок у Толи действительно самый трудный.

Условия такие: копнешь лопатой — ямка мгновенно заполняется водой; пророешь траншею — через час обвалятся стенки!

Что взять с тундры — этого бескрайнего болота. Недоглядел чуть — весь труд насмарку.

Огромные насосы безостановочно откачивают жижу из котлована, толстыми бревнами строители крепят стенки, и за всем нужен глаз бригадира. А ведь на три смены Толик Лёгких один!

Он отрабатывает свою смену, остается на вторую. Поспит в палатке несколько часов — и снова на участок.

-60 МЕТРОВ

— Вот что, товарищ Трудных, то-есть Лёгких! Отныне после работы вам надлежит являться в однодневный дом отдыха. Ясно?

— Кончайте вы шутить! — рассердился Толя. Но бригада не шутила. Пришлось Толе каждый день в пять часов садиться на автобус и уезжать в профилакторий до утра.

Через месяц не вытерпел:

— За что вы меня ссылаете на каторгу?

И снова Толю видят на участке и утром, и днем, и ночью.

Сейчас к Талнаху и Норильску тянут самый северный в мире газопровод. На протяжении 600 километров он пройдет через озера и болота, по тайге и по дну Енисея.

-100 МЕТРОВ

Проходчики уходили все глубже под землю, но и наверху дел прибавилось. Маленький бетонный заводик прямо-таки задыхался — почти тридцать бригад ежедневно требовали: бетон, бетон, бетон! А где его возьмешь, если завод может дать всего сто тонн в сутки!

У всех, видите ли, первоочередной объект. Одному дашь больше, другой обидится. И так изо дня в день. Дозорные бригад не отходили от бетономешалок и вы-

хватывали из них очередную порцию. И часто случалось так, что кое-кто вообще оставался без бетона.

Дело шло к «бетонной войне». Но тут Борис Лозинский объявил себя «министром бетона». Отныне каждый килограмм ценного материала был взят им на учет. Бетон стали отпускать только по его указанию.

В связи с освоением Талнахского месторождения порт Дудинка на Енисее расширится почти в 2 раза.

С вечера Борис составлял строжайший график, согласовывал его с мастерами и начальниками участка.

Должность «министра бетона» не значилась ни в каких официальных бумагах. Но это не огорчало министра. Не огорчает и сейчас. Он ждет, когда пустят большой бетонный завод, чтобы прибрать к рукам и его...

Под Новый год стукнул морозец почти в пятьдесят градусов. В палатках натопили печи, поставили лиственницы, украсили их фантиками и спичечными коробками.

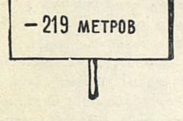
Вдруг около полуночи в палатку вбежал Лешка Боровец в заснеженной шубе:

— Ребята... Трубы в деревянном доме лопнули. А там детишки!

Все повскакали с мест. Женя Шурыгин, лучший сварщик Талнаха, каким-то чудом уже натянул валенки и выскочил с Лешкой, бросив на ходу: «Мы управимся вдвоем!»

Вернулся Женька через несколько часов, сказал «порядок» и улыбнулся, но тут же скорчился от боли. Его отмороженные уши и нос были как вата. Ребята бросились растирать их снегом и спиртом, потом Женька встал посредине комнаты и начал по очереди отвешивать всем низкие поклоны. Это был проверенный способ восстановления нарушенного кровообращения.

В районе Талнаха работает самая большая в стране геологоразведочная партия — свыше 1500 человек.

Сверху, на земле, лежали болота и озера, покрытые снегом, расстилалась тундра, а здесь, в стенках ствола, в потоках электрического света сверкали радужным сиянием вкрапления меди и никеля. До основной жилы нужно было углубляться в землю еще не 100 метров, потом долбить горизонтальные штольни, стлать железнодорожные пути, заводить горные комбайны, транспортеры... Но ведь важно начало!

Над шахтой свистел ветер. Под землей ребята обнимали друг друга. Бадья с первой талнахской рудой понеслась нагора.

На небольшом сверкающем образце ребята написали: «Родине — наша первая руда. Талнах, апрель 1964 года». В канун Первого мая паренек с Талнаха привез этот подарок северян в ЦК партии.

А у себя, почти на 70 параллели, у входа в геологоразведочное управление ребята поставили пьедестал и взгромоздили на него огромную глыбу первой талнахской руды. Рядом положили молоточек.

Талнахское месторождение полиметаллических руд — крупнейшее в стране.

Я там был, стукнул молоточком и отбил нам всем на память кусок руды. Смотрите — вот он, подарок от доброго духа Талнаха!

И. Войтенко.
Рисунки А. Януса

КЮК

СТРЕЛКА КОМПАСА ПОВОРАЧИВАЕТСЯ НА ВОСТОК. ДЖАМБУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ. ЗДЕСЬ В КОЛХОЗЕ «ТРУДОВИК» ЖИВЕТ НАШ ЮНКОР ВАЛЯ СИДНИНА. ВСЕ ЛЕТО ВАЛЯ ТЕРПЕЛИВО НАБЛЮДАЛА...

КАК ЛАСТОЧКИ РАСТУТ

Летом у нас под навесом слепили гнездо ласточки. У ласточки-отца были выдраны перья под клювом, а ласточка-мама была маленькая и гладенькая. Скоро ласточка стала насиживать яички.

Заглянули мы как-то с братом в гнездо, а там лежат пять крошечных ласточат.

Через день птенцы уже пищали вовсю, раскрывая свои ненасытные рты. Родителям приходилось трудно. Они без отдыха ловили мошек. Мы решили им помочь. Пошли в сад и наловили стрекоз. Ох и хитрющие эти стрекозы! Смотрят своими огромными глазами-полушариями, чуть резкое движение — и улетели!

Ласточата подросли, оперились и стали нас бояться. Поднесешь руку к гнезду — они головки прячут. На какие только хитрости мы ни пускались. Махали перед гнездом бумагой, изображая шум ласточкиных крыльев. Ласточата клювы раскроют, только подсунешь им стрекозу — они юрк в гнездо! Тогда мы стали привязывать стрекоз за хвосты и вешать перед гнездом. Ласточки прилетят, сорвут стрекозу и — птенцу.

Как-то вечером я увидела, что один ласточонок, уцепившись за край гнезда, усердно размахивает крыльями. На другой день он вылетел из гнезда. Родители летали близко-близко от него.

Скоро все птенцы научились летать. От взрослых они отличались лишь желтой каемкой около клюва да отсутствием длинных хвостовых перьев. Но скоро и каемка исчезла и крылья выросли. Ласточата стали взрослыми.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА КЮКа

Активные участники экспедиции «Компас» получают почетные удостоверения юнкоров «Костра»:

Александрова Лена из г. Собинка Владимирской обл., **Антипова Ирина** из Днепропетровска, **Анищенко Миша** из Куйбышева, **Амелин Геня** из г. Ватутино Черкасской обл., **Бардина Оля** из пос. Красный луч Луганской обл., **Беляков Саша** из дер. Крестцы Вологодской обл., **Брехов Вова** из Киева, **Воронова Эльвира** из с. Епифановка Воронежской обл., **Данилов Саша** из г. Чудово Новгородской обл., **Евтушенко Юра** из г. Таш-Кумыр Киргизской ССР, **Журавлева Оля** из г. Иваново, **Имьяминова Зина** из Ленинабада Таджикской ССР, **Карачевцева Таня** из Мелитополя, **Кукарцева Вера** из г. Кирова, **Карташев Сергей** из г. Мирного ЯАССР, **Коваленко Таня** из Запорожья, **Казаков Миша** из дер. Камешек Кемеровской обл., **Левин Сергей** из пос. Мокрый Мичкасс Пензенской обл., **Мисяк Валерий** из г. Уссурийска, **Морозов Коля** из с. Кортекос Коми АССР, **Наумов Миша** из г. Таштагол Кемеровской обл., **Пухарев Юра** из Челябинска, **Поджигина Ирина** из г. Иваново, **Поданев Юра** из Новокузнецка Кемеровской обл., **Подин Саша** из с. Сарканд Алма-Атинской обл., **Павлов Володя** из Чебоксар,**Павлова Ира** со ст. Паша Ленинградской обл., **Прокофьев Толя** со ст. Оксочи Новгородской обл., **Сергиенко Оля** из с. Шекаловка Воронежской обл., **Смелянцева Люба** из пос. Таежного Красноярского края, **Сафиуллин Альфред** из с. Ачаир Омской обл., **Фомин Володя** из дер. Калиновка Рязанской обл., **Черная Наташа** из Ленинграда, **Ширяев Саша** из Ленинграда, **Щербакова Валя** из г. Николаева, **Юнусов Алишер** из с. Вуадиль Ферганской обл., **Яранцев Саша** из с. Верхосунье Кировской обл.

Что такое „УГОЛЕК“

У тебя есть, наверное, знакомые первоклассники, второклассники или дошкольники, ребята, которые недавно научились читать. «Уголек» — журнал для них, а выпускать его будешь ты. В «Костре» для этого все приготовлено: и обложки, и цветные вкладки, и странички с текстом и рисунками.

Как сделать «Уголек»?

Аккуратно вырежь и разрежь странички по линейкам, согни по пунктиру и сложи так, чтоб все восемь страничек встали по порядку своих номеров. У тебя получился первый выпуск «Уголька».

К середине года, когда накопится шесть выпусков, ты поможешь своим младшим друзьям сделать из «Угольков» книжку.

Для этого из цветной страницы нужно вырезать обложки и цветные вкладки. Затем — сложить по порядку шесть выпусков «Уголька» /48 страничек/. Цветные вкладки надо поместить так, чтобы в них вошли третий и четвертый выпуск, а вся стопка должна войти в обложку.

Затем прошей книжку толстой иглой с суровой ниткой — и полугодовой комплект «Уголька» можно давать читать всем грамотеям!

Пословицы и поговорки для „Уголька“ на 1965 год собрал Г. Заславский.

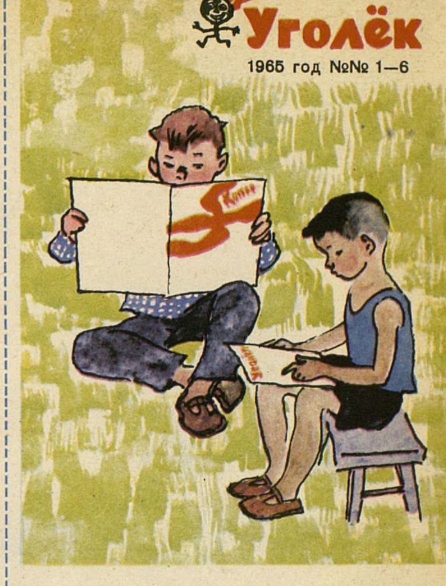

„ГРОЗОВИК“

Не ждите с неба молнию,
Раскатов грозовых.
Дождя цистерну полную
Привез нам грузовик.
Недаром синий грузовик
Мы называем „грозовик“.
Бегут мальчишки радуясь,
Доволен весь народ,
Когда он гром и радугу
По городу везет!

Алексей Лосев

Обложка Л. Подлясской

Уголёк
1965 год №№ 1—6

Две гусеницы отправляются в путешествие по старой ракушке. Как ты думаешь, встретятся ли они в пути?

Если назовешь первые буквы названий растений, узнаешь, как зовут собирательницу гербария.

ПЕТУХИ

Кричит петух: „Кукаречу!
Соседа я перекричу!“
„Я сам тебя перекрику!
Кукареку! Кукареку!“

Стихи Н. Слепаковой.

Рисунок Ю. Васнец

Рисунок В. Гальбы к странице 2

Вот и хворост для растопки —
И как раз у самой тропки.

Оказалось, это лось.
Удирать бобру пришлось.

Рис. В. Гальбы

ПРОЧИТАЙ-КА

сунок Б. Семенова

САМ СЕБЯ НАКАЗАЛ

Рисунок Н. Муратова

КУПЕЦ И ЛЕНИВЦЫ

Однажды к купцу пришли несколько ленивцев и стали просить денег.

— Я награжу того из вас, кто окажется самым ленивым, — ответил купец.

Мало-помалу все ленивцы разошлись, остались только двое. Одного из них осенила блестящая мысль: он принёс дров в комнату, где находился, поджёг их, сам уселся на кровати и закричал:

— Спасите меня! Спасите меня!

Второй же, сидя рядом, невозмутимо сказал:

—Братец, попроси, чтобы меня тоже спасли!

Он-то и получил награду.

Перевела с пенджаби Н. Толстая

Рисунок К. Савкевич

Уголёк № 1

Январь—году начало, зиме серёдка

Рисунок В. Голявкина

ПЕТИН ПАПА

М. Разумовская

Рисунки В. Голявкина

Сегодня Леня Китайчиков сказал ни с того ни с сего:

— А моего папу зовут Алексей Ильич!

А Витя Парамонов не растерялся и ответил:

— А моего — Степан Иванович!

— А моего — Константин Аркадьевич, — сказала Наташа Иванова.

— А моего — Борис! — сказал Димка Ушаков.

— А моего — Лёша! — сказал Женя Бобин.

— А твоего папу как зовут? — спросили ребята у Пети Быкова.

— Папа, — ответил Петя.

— Так не бывает, — сказал Леня Китайчиков. — Папа — это не имя. Папа — это вроде как прозвище.

— Нет имя, — обиделся Петя. — Все его так зовут.

— И мама? — спросили ребята.

— Да, — сказал Петя.

— И соседи?

— Да, — сказал Петя.

— И бабушка?

— Бабушка не зовет, — ответил Петя. — Бабушка уехала в Среднюю Азию.

Но ребята ему не очень поверили.

— Мы и не знали, что ты, оказывается, обманщик, — сказали они.

— Ребята, — вмешался я. — Может, Петя и не обманщик. Может, и правда его папу зовут Папа? Может, у него имя иностранное?

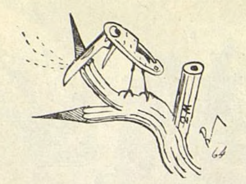
Ребята уже почти совсем согласились со мной, как вдруг Вадик Бакирский спросил у Пети:

— А как тебя зовут по имени — отчеству? Петр Папович?

А Петя вдруг весь надулся и ответил:

— А вот и не Папович. Петр Николаевич, вот как мое имя — отчество.

КАРАНДАШНОЕ ДЕРЕВО

Джанни Родари

На свете хлебное дерево есть,
А также лечебное дерево есть,
И даже железное дерево есть —
Полезных деревьев на свете не счесть.
Но, к сожалению, важного нет,
Дерева карандашного нет!
Ах, я бы радовался от души,
Когда бы к исходу лета
В лесу созревали бы карандаши
Разнообразного цвета,
И было бы можно к себе на балкон
Поставить с полезным растеньем
вазон —
Карандашики рвать бесплатно
Было бы очень приятно!
Почему ж карандашного дерева нет,
Когда есть зловредный табак?
На табак уходит много монет,
А монет не хватает и так.

Перевела Э. Паперная

Рисунки В. Гальбы

АНДРЕЙКИН ЗУБ

Владимир Торопыгин

У Андрейки
ночью
выпал зуб
молочный.

Что с ним делать — не понять!

Разбудил Андрейка мать:
— Мама, вот — зубок...
— Выброси, сынок!

Наш Андрейка не был скуп,
но сказал упрямо:
— Это ж собственный мой зуб,
жалко бросить, мама!

Он зажал свой зуб в кулак:
„Чем в помойку, лучше так!.."

А наутро зуб исчез.
Под кровать Андрей полез...
Щупал одеяло...
Ну, как не бывало!

Был готов заплакать он,
но решил: „А если
это мне приснился сон,
если зуб — на месте?"

Языком проверил рот:
щелка!
„Выпал, точно!"
Только в щелке
зуб растет
новый,
не молочный!

Рисунок И. Харкевича

Дмитрий Петрович

РАССКАЗ

Борис Благутин | *Рисунки Н. Кустова*

1.

Митьку привадил к нам сержант Корзунов. Они, кажется, дружили — двухметровый костромич, известный на всю роту заводила, и четырнадцатилетний деревенский парень с торчащими во все стороны светло-русыми вихрами.

Корзунов всегда что-нибудь рассказывал, нажимая на «о», а Митька смотрел на него внимательными не по возрасту серьезными глазами и не перебивал. Обычно они встречались у нашей землянки. Митька неожиданно показывался из-за развалин, опасливо косился по сторонам и искусно свистел, точно заправский соловей. Корзунов отводил от нас глаза, смущенно трогал кончик рыжего уса и послушно шел на этот зов. Иногда он выносил своему дружку или котелок с жидковато-зелеными щами — «хряпой» или кусок хлеба. А еще чаще Корзунов сокрушенно вздыхал, хлопал здоровенной пятерней по рваному Митькиному ватнику и говорил:

— Не обессудь, приятель... С харчишками что-то не того... Совсем запаршивели...

На исходе был октябрь сорок первого года.

Наш взвод строил тогда на окраине полуразрушенной деревни вспомогательное полевое управление или сокращенно — ВПУ. Работали скрытно, ночами. В каких-нибудь пятистах метрах от нас, за взорванным железнодорожным виадуком, начиналась «нейтралка» — ничейная земля. За полоской этой искореженной, обожженной земли, изрытой, как оспой, воронками, притаился опытный враг. А мы, точно кроты, зарылись в высокую насыпь железной дороги Ленинград—Москва и кляли «жесткую оборону», блокаду, немцев... В сырых норах-землянках всегда было дымно, пахло еловыми ветками и мокрыми портянками. По ночам огромные, отъевшиеся на мертвечине крысы-пасюки визжали и кусали за ноги.

Но податься было некуда — позади Ленинград! А кругом болота, торф... Бойцы сцепили зубы, терпели — накапливали злобу. А тем временем командование скрытно сосредотачивало технику, чтобы ударить по немцам и погнать их вон от Ленинграда.

Митя не показывался у нашей землянки уже третий день, и Корзунов все прислушивался — не свистит ли его приятель. А сегодня Корзунов встал не с той ноги и просто не знал, на ком выместить свое дурное настроение.

— Галкин! — брюзжал он на сутулого и удивительно тощего красноармейца. — Куда ты, старая кочерыжка, задевал мои рукавицы?

Галкин был действительно стар и, как многие старики, оторванные от привычных жизненных условий, был неряшлив, суетлив, любил сладко поесть и особенно — поболтать. К военной форме он относился без особого уважения: пропитанную потом бурую пилотку носил задом наперед, приветствовал левой рукой, а винтовку таскал под мышкой, будто полено. Как Галкин попал в армию, да еще в действующую, никто из нас не знал.

— А и верно, — заискивающе произнес он. — Что-то частенько стали пропадать у нас вещицы... То кусачки, то саперные ножницы... Намедни и монтерские когти кто-то увел... А сейчас — рукавицы! Никак Митька шкодит! Привадили приятеля... Метлой бы его!

В эту минуту забухали зенитки и сердито затявкали крупнокалиберные пулеметы.

— Ну, началось светопреставление... — сказал Корзунов.— Вылазь, пехтура, из преисподней. Опять наш бешеный за колбасами пожаловал...

Так мы называли обыкновенный немецкий «мессершмитт». Но этот выкрашенный в черный цвет самолет с тевтонскими крестами на плоскостях и свастикой на хвосте причинял нашим войскам и особенно зенитчикам много неприятных минут. Почти ежедневно, в разное время он прямо-таки по-разбойничьи вырывался из лесной просеки и со страшным свистом взмывал вверх. Нам казалось, что этим «мессером» управлял пьяный или сумасшедший.

Его так и прозвали: «бешеный фриц».

В течение нескольких секунд этот бешеный выделывал над нашими головами замысловатые фигуры высшего пилотажа, а затем стремительно уходил к Колпину. Там он сбивал аэростаты заграждения, или попросту — колбасы, бил по машинам и даже гонялся за отдельными красноармейцами, а однажды прострочил пополам собаку командира дивизии. Вдоволь натешившись и помахав нам нагло крыльями, немец снова нырял в свою излюбленную просеку.

Мы диву давались. Как только умудрялся он летать по просеке, не зацепив за деревья.

— Видать, асс! — поясняли зенитчики и разводили руками. — Это называется у них «свободная охота». Выскочит из лесу, словно черт на помеле... Очухаться не успеешь, не то что прицелиться!.. Но ничего... Вгоним мы этого асса в землю! Не таких на мушку брали...

И действительно, следующим утром немецкому ассу пришел конец.

Только показался он в злополучной просеке, как вдруг начал рубить верхушки сосен, разворотил деревья и, полыхнув огнем, нырнул в лес.

А вечером взводный удивил нас:

— Летчик с черного «мессера» остался жив! Немного поджарился, но ничего... дышит...

Оказывается, кто-то перегородил просеку телефонными проводами и кусками троса. Все это попало в винт, намоталось на него клубком, и самолет врезался в землю.

— Просто и здорово! — сказал взводный. — Вот вам и русский Иван! Надо же догадаться перегородить просеку!

— Видать, башковитый мужик сделал, — важно изрек Галкин. — У меня бы котелок не сварил... Не-е! Не смекнул бы...

Все засмеялись. Стали гадать, в каком батальоне или роте обнаружится этот «башковитый мужик».

Но прошло больше суток, а так и не удалось узнать, кто подстроил эту хитроумную ловушку. Опрашивали всех повзводно, поротно. Бойцы только плечами пожимали, посмеивались. Правда, во втором батальоне один артиллерист-азербайджанец заявил, что якобы несколько дней назад видел на просеке вроде бы связиста с мотками проводов. Но было далеко, темновато, и он не разглядел его. «Вчера ходил, — с философской мудростью заметил азербайджанец, — сегодня аллах прибрал. На том свете искать надо...» Его мрачная шутка была не без основания: много свежих

могильных холмов выросло за это время у деревенского погоста... Не такое было время, чтобы долго загадками заниматься.

Следующим вечером взводный пришел в нашу землянку. Он был рассеян и отвечал невпопад. Мы знали, что у него остались в Ленинграде тяжело больная мать и сестренка-школьница. Пытаясь скрыть тревогу, он глухо произнес:

— Обложили Ленинград, как стервятники... К Москве рвутся, дьяволы!

— А не хватит ли пятиться? — буркнул Корзунов. — Что мы — раки? Пора и по мозгам дать гадам.

— Дадут, дадут, Корзунов, — рассеянно говорил взводный и неожиданно спросил: — А где же ваш фронтовой соловей, Митька, что ли?

Корзунов затянулся махорочным дымом с такой силой, что на конце самокрутки что-то затрещало и посыпались искры.

— А кто его знает... Может, в живых нет... Долго ли!

— А где Галкин? — снова спросил взводный.

Галкина не было. Все начали оглядываться.

Взводный заиграл желваками и хотел что-то сказать, но тут дверь отворилась, и сам Галкин чуть не кубарем вкатился к нам. Он еле отдышался, одернул мешком обвисшую шинель и заворковал эдаким елейным голоском:

— Ах, ты, господи! Виноват то... товарищ лейтенант... Черт попутал малость...

— Галкин, — сверкнул удивительно светлыми глазами взводный, — говорите короче, без этих... без эмоций...

Галкин набил старую, обгрызенную трубку-носогрейку зеленовато-бурой махрой — «горлодером». Его корявые, сучковатые от старости пальцы заметно дрожали.

— Вот так история! — начал он. — Только я того, значит, зашел за развалины, гляжу — рукавицы... Положены так это аккуратненько, по-хозяйски! Ну, думаю, дело не чисто... Откуда бы им тут взяться?! И вдруг, господи-исусе, кто-то так жалобно застонал из-под земли!.. Аж мурашки побегли... Живых-то я не боюсь, не-е! А вот покойничков, того, не очень-то... И признаться, малость струхнул — спину показал...

Сизый махорочный дым стоял столбом, ел глаза, першил в горле, но никто не торопился выходить из землянки. Всех нас рассмешила очередная «история» Галкина.

— Не козел ли оказался? — заметил с подковыркой Корзунов. — Случается...

— Не-е! — замахал руками Галкин. — Митька это! Сразу смекнул... Известное дело! Халюган первостатейный! Присосался, паразит... кто ж останется здесь, под носом у германцев?! Две-три хворые бабы, выживший из ума дед да этот шалый Митька — вот и вся деревня!

Галкин как-то лихо, одним ударом ладони выколотил трубку и добавил:

— Выследил я все же нору твоего свистуна, товарищ сержант... И кое-что разведал... Копает он тихой сапой картошку на заброшенных огородах у самой нейтралки да в Колпино сплавляет какой-то Савельевой, что ли? И все — шито-крыто! Ох и ловок! Но и я, брат, тертый калач!

Взводный поморщился и сказал:

— А не пора ли, Корзунов, и в самом деле кончать с этим Митькой? Нашли себе приятеля...

— Да какой он мне приятель! — огрызнулся Корзунов и зло покосился на Галкина. — В сыны годится... Раза два супешника отлил да хлеба кусок дал... Не волк же я... А про остальное — все брехня! «Калач тертый...»

Взводный помолчал, а потом, сощурившись, сказал:

— Завтра же отправлю вашего соловья отсюда... Здесь не детский сад.

Корзунов ухмыльнулся и заметил:

— Уже отправляли... Возили в Колпино, в Ленинград и даже до Ладоги довезли...

— Ну и в чем дело?

Корзунов ожесточенно поскреб затылок и, сатанея от злости, сказал:

— Да дом его здесь, понимаете?.. Родина, значит... Тянет его сюда... Собачонка и та к своей избе льнет...

Взводный снова помолчал.

— Не разжалобите, — тихо произнес он, — не старайтесь. — И, обращаясь ко мне, добавил: — Как стемнеет, переселяйтесь вместе с отделением Корзунова в первый блиндаж... Там посуше да и понадежнее... Понадоблюсь — буду у командира роты.

2.

Утром, чуть свет, взводный пришел в наше новое жилище вместе с Митькой.

На Митьке был надет неизменный рваный ватник, а под ним виднелась темная сатиновая рубаха с расстегнутым воротом.

Митька стоял посреди блиндажа и, наклонив голову, смотрел на нас угрюмо, исподлобья, словно собирался боднуть.

Взводный уселся на нары, подвинул ногой ящик из-под патронов и сказал:

— Ну-с, садись. Будем знакомиться. Как звать?

Митька молчал.

— Да Митькой его звать, — пояснил Галкин. — Известное дело...

Митька еще больше насупился и с чувством собственного достоинства произнес:

— Не Митька, а Дмитрий Петрович... Варинцов!

Пряча улыбку, взводный спросил:

— А ты знаешь, Дмитрий Петрович, что детям здесь нельзя жить? Передний край...

— Знаю... Слыхал...

— А почему нарушаешь?

Митька пожал плечами.

— Кто-нибудь из родных есть?

— А у него нет никого, — снова встрял дошлый Галкин, — бобылем живет, один...

Взводный внимательно посмотрел на Митьку и спросил:

— А где мать... отец?

Большие карие глаза Митьки потемнели, в них появилось нечто похожее на тоску, но он тут же овладел собой и сердито буркнул:

— Пристали... Где да что! Батьку еще в августе стропилами придавило... Снаряд в избу угодил.. Тут за сараем и похоронил. А маманю не знаю... Родила меня да померла...

Взводный помрачнел, затянулся самокруткой и тихо сказал:

— Ты Галкина пугал?

Митя шмыгнул носом и, глянув исподлобья на Галкина, медленно протянул:

— Не пугал я... Бинты сматывал, больно было... присохли... А ему, старому, все надо... Подсматривает везде... Будто и подпол его!..

— А почему, Митяй, у тебя все руки в бинтах? — участливо спросил Корзунов, — никак кошек ловил?

Митька упрятал руки между колен и ухмыльнулся.

— В пулеметчики не берут, — с обидой в голосе сказал он, — от пушек гоняют... Вот я и тренируюсь перевязывать... Авось, медсестрой или медбратом возьмут...

Корзунов засмеялся и неожиданно спросил:

— А не ты ли, медбратик хороший, увел мои рукавицы?

— Я, — тихо ответил Митя.

— А может, и монтерские когти спер?

— А кто же...

— И трос?!

— И трос.

— А может, ты, яко архангел Гавриил, и «бешеного фрица» с неба свалил, а? — ехидно заметил Галкин и с победоносным видом оглядел всех нас.

— Я, — совершенно спокойно ответил Митя. — А кто же?

Мы ошалело переглядывались, не понимая, что бы это могло значить. Наконец я отворил дверь.

Посреди блиндажа были наставлены патронные ящики, а поверх них резала глаза совершенно белая простыня! За этим самодельным столом восседал, точно падишах, Митька, а около него суетился сержант Корзунов.

С Корзуновым тоже происходило нечто странное. Он величал Митьку Дмитрием Петровичем и без обычной подковырки, на что был мастером отменным.

— Дмитрий Петрович, — ласково говорил он, делая при этом вид, что не замечает нас, — потерпи, друг.

Все загоготали, а взводный покачал головой и сказал:

— Ну знаешь, батенька!

— Ох и свистун! — возмутился Галкин. — Спустить бы тебе штаны, вот что!

Глаза у Митьки заблестели, он обиженно засопел носом и протянул:

— Я никогда не вру...

— Мне даже совестно за тебя, — пробасил Корзунов. — Мюнхаузен ты, вот кто!

Митька побледнел и, неожиданно отшвырнув в сторону патронный ящик, вцепился в Корзунова.

— Сам ты... — запнулся он. — Мю... Мюнхазен! Фриц поганый!

Корзунов с трудом оторвал от себя Митьку и, поглаживая шею, смущенно произнес:

— Ну и петух! Чуть глотку не сломал...

Взводный громко засмеялся и сказал:

— Э, да ты, Дмитрий Петрович, оказывается, и не читал про этого барона-вральмана! Перепутал веселого фантазера с фашистом... Нехорошо! Вот отведут тебя в штаб — там у тебя будет время просветиться...

3.

В этот день немцы вели себя как-то странно: притихли, ни одного выстрела, словно и нет их вовсе.

— Ох, не к добру это! — по-стариковски ворчал Галкин.

К вечеру мы гуськом потащились обратно в свой блиндаж с запавшими от усталости и голода глазами. На ВПУ оставались на внутренних работах только электрики и техники-монтажники.

Из блиндажа непривычно тянуло теплом и — совсем невероятно! — пахло горячим хлебом.

Сейчас ужинать будем... Колбаски тебе побольше или сальца с чесночком?

Митька принимал все как должное и эдак нахально поглядывал на нас. Вот, мол, видали!

Мы стадом столпились у входа и глазам не верим.

На самодельном столе стояли консервы, горкой возвышались толстые ломти хлеба, сала, колбасы...

— Ну... чего слюнки глотаете? — издевался Корзунов. — Рассупонивайся, пехота — царица полей! Дмитрий Петрович угощает...

Все хором заговорили, зашумели... Глаза солдат жадно заблестели. Усталости как не бывало!

— Батюшки-светы! — плаксиво протянул Галкин. — Никак немчуре конец пришел! Глядите, братцы, щи!.. А хлеб-то, родненькие, горяченький, подовой, с корочкой, господи!

— Ну запел, точно пономарь! — оборвал его Корзунов. — Поглядел бы лучше сюда, Аника-воин...

Корзунов отдернул ватник на груди Мити.

На сатиновой рубашке Дмитрия Петровича тускло поблескивала новенькая серебристая медаль «За отвагу».

Мы в недоумении поглядывали то на Митьку, то на Корзунова.

— Смирно! — зычным голосом скомандовал Корзунов. — По случаю награждения Дмитрия Петровича боевой медалью «За отвагу» опрокинем по кружечке и троекратно крикнем ура! Только — чур! — потише. Глотки-то у вас, чертей, луженые... Немцев всполошите...

Корзунов вытащил из-под нар пузатую бутыль — «митрополит» и настоящую, довоенную бутылку вина. На пестрой этикетке в золотых лучах солнца было написано: «Массандра», а ниже большими буквами «Портвейн».

Я даже зажмурил глаза, будто на этикетке было не сусальное, а настоящее солнце.

— Ну давай, рассказывай! — загудели со всех сторон.

Мы торопливо расселись кто куда и с жадностью набросились на небывало густые щи и чертовски вкусный ржаной хлеб.

— Галкин, — сказал Корзунов, — подлей по такому случаю горючего в нашу люстру. Да смотри не заглотай вместе со щами и казенную миску... И куда только лезет?!

Наконец наступила тишина.

Почти пустая консервная банка с веревочным фитилем, «люстра», больше чадила, чем светила. Но наш ним эдаким фертом и говорит: «Не буду я всякому гаду руку совать... Пошел к черту!» Ну и смеху было!

— Дмитрий Петрович! — зашумели мы. — Расскажи, пожалуйста, как ты заарканил немца. Сам расскажи...

Митя водил осоловевшими от сытной пищи и тепла глазами по заросшим лицам бойцов и плохо соображал, что от него хотят.

— Давай, Митрий! — ласково уговаривал Галкин. — Уважь старика, расскажи, как объегорил-то бешеного.

Митя сладко зевнул, вытер губы рукавом ватника и нехотя сказал:

— Ну чего там рассказывать... Взял да перегородил просеку. Вот и весь сказ.

блиндаж казался нам в тот вечер дворцом. В полумраке радостно поблескивали глаза и зубы бойцов.

— Так вот, — начал Корзунов, — и вправду обломал нос черному «мессеру» наш Дмитрий Петрович. Поняли?! Сам командующий вручил медаль, вот этих харчишек приказал подбросить, а после представил — чуете? — представил лично Дмитрию Петровичу самого немецкого асса!..

Корзунов приподнял кверху прокуренный указательный палец, хотел сказать что-то значительное, но только пожал плечами.

— Мать честная! — не выдержал Галкин. — Вот тебе и Митяй — лапоть деревенский! А я-то...

Все уставились на Митю.

Он, не торопясь, степенно пережевывал хлеб с салом и аппетитно похрустывал чесноком.

— Во потеха была! — восторженно воскликнул Корзунов. — Немец здоровенный, рожа красная, вся в пластырях, шея перебинтована. Митька напротив его что блоха... Переводчица, как положено, растолковала пленному, кто да как сделал ему хенде хох, то есть мах на солнце — бух на землю. А он все хлопал обгорелыми ресницами и мотал головой. Дескать: «нихт ферштейн... Не понимаю. Не может быть!» Но потом асс расчухал что к чему и так здорово щелкнул каблуками, что-то быстро заболботал по-своему и протянул руку Митяю. А Дмитрий Петрович стоит перед

У Галкина отвисла нижняя челюсть. В блиндаже стало так тихо, что слышно было, как трещит фитиль в банке. Где-то далеко-далеко погромыхивала артиллерия, а чуть поближе ворчливо переговаривались пулеметы. Бойцы молчали. Они-то понимали, что скрывалось под скупыми, по-детски бесхитростными словами Мити «взял да перегородил...»

— Сообразил! — восхищенно произнес Галкин. — Прямо диво!

Митя поскреб голову и сонно произнес:

— Не такое на телеграфные столбы вешал да таскал... Подумаешь, диво!

Время от времени позевывая, он рассказал, как «заарканил бешеного».

Митя сделал то, что не всякий взрослый смог бы. Он один, ночью, под носом у немцев, сумел взобраться незамеченным на высокие деревья, втащить туда концы телефонного провода и накрепко прикрутить их к толстым веткам. Но чтобы перегородить довольно широкую просеку, надо было закрепить прозода и на противоположных деревьях. Этого сделать Митя не успел — одной ночи не хватило.

Он боялся, что обыкновенные телефонные провода ничего не сделают «мессершмитту» и для надежности кое-где присоединил к проводам стальные куски тросов. Тросы были хоть и тонкие, но старые, с заусенцами. Митя изранил себе руки, они кровоточили и бо-

лели. На следующую ночь он уже не смог влезть на дерево и отлеживался дома, если можно назвать «домом» полузатопленный подвал под грудой камней и обожженных бревен.

Но Митя был упорен. Он обмотал руки тряпками, с трудом натянул брезентовые рукавицы и вечером снова собрался к просеке. А немцы, будто почуяв что-то, начали с ожесточением бить по деревне из тяжелых минометов. К просеке нельзя было добраться.

Удалось Мите закончить свою рискованную и тяжелую работу только на четвертую ночь.

— Вот вам и Митька! — восхищенно произнес Корзунов. — Не смотри, что увалень да тихоня, — голова варит!

Но Митя уже спал. Он положил голову на перевязанные бинтами руки и потихоньку посапывал носом. Тень от его кудлатой головы причудливо чернела на белой простыне, а один вихор уперся в порожнюю банку из-под свиной тушенки.

...Утром командир взвода разбудил Корзунова и меня. Взводный устало улыбнулся и шепотом сказал:

— Дмитрия Петровича приведите в надлежащий вид. Завтра отвезут его на аэродром. Пацанам воевать нечего, успеют...

— А я никуда не поеду! — неожиданно сказал Митя, будто и не спал. — Вот еще придумали!

Он быстро натянул огромные, негнущиеся кирзовые сапоги, перекинул через плечо противогазную сумку, из которой торчала буханка хлеба, и направился к выходу.

— Я еще за своего батьку не разделался! — мрачно произнес он. — Мне никак нельзя отсюда...

Митю уговаривали долго. Он был непоколебим и только упрямо мотал головой.

— Сказал нет — значит, все! Точка!

— Ну вот что, Дмитрий Петрович, — нахмурившись, сказал взводный. — Ты это брось! Нельзя тебе здесь оставаться, смерть кругом...

Митя хмыкнул и с ехидцей заметил:

— Медаль нацепили, а самого в тыл, к бабам! Да?

Взводный положил руку на плечо Мите и очень тихо произнес:

— Ты ведь мужчина, Митя! Настоящий солдат! А солдаты приказы не обсуждают...

— Ну ладно, — согласился Митя. — Раз положено, поеду. Слушаюсь, что ли? Когда ехать-то?

Взводный потрепал Митю за чуб и сказал:

— В шестнадцать часов ноль-ноль минут быть здесь. Отсюда доставят тебя на броневике прямо на аэродром, как генерала... Пиши нам, Дмитрий Петрович... Не забывай...

— Не забуду... — потупившись, ответил Митя. — Напишу. А то кому ж еще? Больше некому...

4.

На ВПУ все чаще стали прибывать офицеры из дивизии, штаба армии. А один раз приезжал из штаба фронта старенький генерал, специалист по военным сооружениям. Он долго ходил по всем блиндажам, деликатно покашливал в сухой кулачок, что-то записывал, высчитывал.

После генерала гостей зачастило еще больше.

А в тот день, когда собирались отправлять в тыл Митьку, на ВПУ прибыл подполковник-связист из штаба фронта. Прикатил он средь бела дня на черной «эмке», на дверцах которой кое-где проступала старая краска и виднелись белые шашечки такси. От подполковника за версту несло «шипром». Бойцы не сводили глаз с его бесчисленных ремней и вызывающе блестевших сапог; в них было что-то волнующе мирное, отчего страшно щемило на сердце.

Подполковник поправил портупею и спросил:

— Ну-с, так где ваш главковерх, лейтенант Мещерин?

— Вы бы лучше спустились в блиндаж, — вместо ответа предложил Корзунов. — Немцы рядом... Вон за тем виадуком... Иногда стреляют... и попадают...

— Неужто? — притворно удивился подполковник. — А я, представьте, не знал...

Из хода сообщения с трудом выбрался взводный. Лицо его было перепачкано в глине, а на левом рукаве шинели торчал клок серого сукна.

— Какого еще дьявола принесло сюда! — крикнул он, не заметив подполковника. — Галкин, Корзунов! Черт возьми! Кто приперся на этом лакированном сундуке? Где шофер?

Подполковник заметно покраснел, но овладел собой и спокойно сказал:

— Лейтенант, вы всегда так гостеприимны?..

Взводный небрежно приложил руку к испачканной в ржавчине и грязи пилотке и не очень-то приветливо ответил:

— Здесь вспомогательное полевое управление — ВПУ... а не, простите... театральный подъезд...

Подполковник покосился на взводного, но все же приказал шоферу перегнать машину за противотанковый ров.

— Давайте знакомиться, — примирительно сказал он. — Офицер отдела связи штаба фронта — подполковник Лаврентьев. Не стоит из-за пустяков лезть в бутылку... Не правда ли?

Укрывшись за мощными перекрытиями главного блиндажа, Лаврентьев совсем миролюбиво сказал:

— А знаете, лейтенант, пока я ехал к вам, представьте себе, немцы засекли «эмку» и прямо-таки всю дорогу салютовали мне... То шарахнут миной впереди машины, то позади... Вилка! Вот-вот накроют! — Лаврентьев щелкнул пальцами и заключил: — Ведь и в этом, разрази меня гром, есть какая-то щекочущая нервы романтика! Вы не находите?

— Какая там к дьяволу романтика! — возразил взводный. — В человека стреляют, как в глухаря... Романтика...

Лаврентьев был энергичным. Приказания так и сыпались у него одно за другим. На ВПУ через несколько часов стали прибывать связисты, саперы... А к середине дня, страшно урча, приехала огромная машина-радиостанция. Послышались голоса радисток, девичий смех...

Взводный так и сыпал «дьяволом». Но он был бессилен унять энергию напористого Лаврентьева. Демаскировалось ВПУ, производились работы, которые разрешалось делать только ночью. И ко всему — у главного сооружения скапливалось большое количество людей, техники.

Следом за радиостанцией неожиданно пришли на ВПУ Митя и Галкин.

Митю трудно было узнать. Он был пострижен, лицо его лоснилось от непривычной чистоты, глаза возбужденно блестели. А когда Митя снял с головы новенькую шапку, Корзунов даже ахнул.

Волосы у Мити оказались точь-в-точь такие же, как у сержанта Корзунова: светлые! Может, чуть-чуть потемнее...

— Глядите, братцы! — восхищенно говорил Корзунов. — Дмитрий Петрович-то белобрысый, вроде меня! Ха-ха!.. Вот здорово!

— А глаза-то карие, — ехидно заметил Галкин, — добрые... Не то что у некоторых сержантов — зеленые, с водицей...

— А вы почему здесь? — спросил неожиданно появившийся взводный. — Вас еще недоставало на ВПУ!

Галкин выдернул руки из карманов и беспокойно забегал глазами.

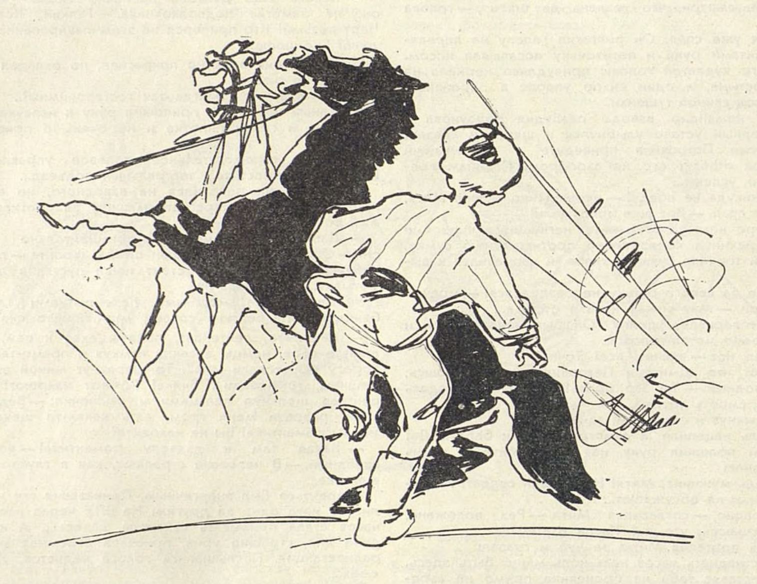
— Виноват, — бормотал он, — гляжу, пятый час... Ну, думаю, забыли про Митьку...

Митя пришел на выручку оробевшему Галкину. Он протянул взводному красиво сплетенную объемистую корзинку, в которой виднелась свежевыкопанная крупная картошка; прямо на ней, сверху, лежали несколько окаменевших ржаных сухарей и две сплющенные банки мясных консервов.

— Вот... — по-взрослому сдвинув белесые брови, сказал Митя, — будете в Колпине — передайте, пожалуйпы, неприятно заскрипели огромные столбы-подпорки, послышался шорох осыпающейся земли...

Начался тот ожесточенный артиллерийский налет, который какой-то безвестный шутник прозвал «великим сабантуем». Земля гудела и надрывно стонала от следующих один за другим оглушительных взрывов. Между разрывами снарядов слышно было прерывистое дыхание бойцов. Все были сосредоточенно-молчаливы. И даже Корзунов не пытался острить.

От очередного взрыва распахнулась тяжелая дверь-времянка. Раскаленный воздух, обжигая лица, вихрем ворвался в блиндаж. Все невольно попятились.

ста, нашей учительнице... Вере Андреевне... Ранило ее здесь на переезде...

Взводный привлек к себе Митю, поправил шапку на его голове и спросил:

— Не Савельева ли твоя учительница?

— Савельева... А что?..

Взводный как-то странно посмотрел на Галкина и сказал:

— «Тертый калач»... Вот куда «сплавлял» картошку соловей-то наш фронтовой.

Последние слова взводного растворились в страшном грохоте. К небу взметнулись горы щебня, грязи.

— Началось, братцы! — послышался будто из-под земли голос Корзунова. — Держись, пехтура!

— Всем в блиндаж, живее! — приказал взводный. — Корзунов, гони сюда радисток...

Но уже было поздно... Второй снаряд накрыл радиостанцию.

Высоко в туче крошева и пыли одиноко кружилось колесо от автомашины, и не успело оно возвратиться на землю, как новый чудовищный взрыв потряс двенадцатинакатные перекрытия блиндажа. Погасли ламИ тут мы услышали надрывное ржание лошадей.

— О господи! — бормотал Галкин. — Ни за что пропадает скотина...

— Чьи кони? — спросил взводный.

— Капитана Мишакова из полка связи, — ответил Корзунов. — С двумя телефонистами приезжал на радиостанцию...

— А кони-то! — вздыхал Галкин. — Кони привязаны...

— Я сбегаю! — звонко выкрикнул Митя. — Мигом справлюсь.

— Я тебе сбегаю, дьяволенок! — пригрозил кулаком взводный и сам направился к полуоткрытой двери.

— Отставить, — спокойно, но твердо сказал подполковник. — Даже две лошади не стоят одной человеческой жизни...

И вдруг Митька рванулся к выходу.

Это произошло так быстро, что никто не успел помешать ему.

Корзунов бросился вслед за Митькой.

— Да пропустите же! — расчищал он себе дорогу локтями. — Черт вас возьми!

— Назад! — крикнул подполковник. — Сейчас же назад!

Было слышно, как Корзунов заскрипел зубами.

— Братцы, глядите-ка! — не своим голосом закричал Галкин. — Митрий коней развязывает... Митя, сынок, давай сюда! Пес с ними, с лошадьми-то! Горят они пропадом! Ах ты господи!

Митя, будто ни в чем не бывало, возился у столба, к которому были привязаны кони. На спинах и запавших боках лошадей кое-где струйками стекала кровь. При каждом взрыве они громко ржали и, дрожа всем телом, рвались на крепких ременных поводьях, вставали на дыбы.

— Э-эх, пропадет парень! — заревел Корзунов и рванулся к выходу.

Он быстро перерезал ножом сыромятные ремни: кони вздыбились и, громко всхрапнув, ускакали. Корзунов схватил Митьку за руку и, пригибаясь к земле, побежал с ним к блиндажу.

Когда до главного сооружения осталось совсем близко, Митя остановился и начал быстро водить одной рукой по ватнику. Глаза его округлились и он, чуть не плача, крикнул:

— Медаль! Медаль потерял...

Он неожиданно вырвался от Корзунова и побежал обратно к столбу.

— Черт! — простонал Корзунов. — Быстрее!

— Нашел! — крикнул Митя. — Нашел! Вот она...

Помахивая медалью в воздухе, он вприпрыжку бросился к блиндажу.

Уже у самого входа Митя вдруг споткнулся и упал ничком. И почти одновременно раздался оглушительный грохот. Звук разрыва был так близок, что напоминал во много раз усиленный треск разрываемого холста. Искореженная дверь сорвалась с петель. По блиндажу гулко застучали камни и комья земли; потянуло сизым, до тошноты сладковатым пороховым дымом.

Когда дым и красноватая пыль немного развеялись, мы увидели, что Митя лежит в той же позе, лицом вниз, а Корзунов пытается встать на ноги и шатается, точно с похмелья.

— Митя! — крикнул он. — Митрий!..

Взводный и я бросились к выходу. Следом за нами, подобрав замызганные полы шинели, засеменил Галкин.

Взводный подхватил Корзунова, а я и Галкин перевернули Митю на спину.

Митя смотрел широко открытыми чуть удивленными глазами в низкое угрюмое небо, по которому вяло тащились с запада рваные тяжелые облака.

— Митрий! — недоуменно произнес Галкин. — Митька, сынок... Да ты что! Митрий Петрович...

У Корзунова судорожно катался заросший щетиной острый кадык, что-то громко булькало в горле. Взводный несколько раз обратился к нему, но он не отвечал. Только сейчас мы заметили, что у Корзунова из правого уха сочилась кровь. Он был контужен.

Взводный положил руку на его плечо и снял с головы пилотку.

Стало тихо, словно никогда и не было этого страшного грохота, скрежета, треска... Артналет прекратился так же внезапно, как и начался.

Взводный с трудом извлек из окостеневших уже пальцев Мити медаль и прикрепил ее прямо на ватник.

... Митю похоронили у шумящей на осеннем ветру березки вблизи той самой просеки, где он совершил свой первый подвиг. На издырявленный осколками верстовой столб Корзунов приделал жестяную пятиконечную звезду, а я выбил гвоздем:

«Дмитрий Петрович Варинцов. Погиб 26. 10. 1941 года».

Взводный вынул из полевой сумки огрызок химического карандаша и, тщательно выводя каждую букву, добавил:

«Рожден для добра и подвигов. Умер героем!»

Бойцы задрали к небу стволы винтовок и защелкали затворами.

Взводный будто и не слышал сухого треска винтовочных выстрелов. Он смотрел в сторону Колпина, — глаза его странно блестели.

Там, над призрачно чернеющими развалинами, одиноко возвышалась кирпичная заводская труба; вершина ее была отбита, а посередине зияла огромная круглая дыра, пробитая насквозь прямым попаданием снаряда. Из отверстия искореженной, казалось бы, мертвой трубы деловито клубился озорной розоватый дымок...

А еще дальше, почти у самого горизонта, вставало багровое зарево пожара, и в том месте свинцово-серое небо быстро покрывалось ватными клочками разрывов.

Над осажденным Ленинградом шел воздушный бой.

Онсапоенго

РАССКАЗ

Ю. Алешковский *Рисунки И. Харкевича*

Когда с Крайнего Севера прилетел мой шестилетний двоюродный братишка, я очень обрадовался. Он привез мне для школьного музея огромные оленьи рога, собачью упряжку, вырезанную из клыка моржа, и шкурку с лапы белого медведя со всеми когтями. Я полюбил за это своего братишку. Его звали как-то непонятно, по-северному: Онсапоенго. После уроков и в воскресенье я показывал ему Москву и водил в короткометражку. Мой дядя, отец Онсапоенго, вместе с его мамой три дня ходили по музеям и театрам, потом купили билеты на самолет. Но когда они вечером упаковывали чемоданы, мой братишка наотрез отказался лететь вместе с ними в Ялту. Он твердо сказал:

— Я тут останусь. С Вовкой. Не хочу на юг. Я боюсь.

И мой отец и мать и дядя Миша и тетя Леля уговаривали Онсапоенго, потом ругали и искали ремень, но он, сев на пол, продолжал стоять на своем.

— Не поеду и все. Там жарко.

Я уныло думал: «Подарки, конечно, хорошие... но как я тут буду возиться с ним? Лучше бы уехал...»

Мой братишка всхлипывал, шмыгал носом, а все молчали и думали, потом вздохнули, и моя мама сказала:

— Летите, действительно, одни. Он у вас спокойный ребенок. Не то что наш. Они будут вместе гулять и делать уроки. Обузы в этом никакой нет. Поехали.

«Фью! — присвистнул я про себя. — Лучше бы не привозил подарков. Я бы сейчас отказался его нянчить... Хорошо хоть спокойный...»

А он вскочил с пола, поцеловал тетю Лелю и пообещал:

— Я всех буду слушаться. Все буду есть и читать «Мурзилку».

Когда все уехали, я постелил постель и мрачно сказал:

— Ложись. Со мной спать будешь. Валетом. Не вздумай храпеть и брыкаться. Получишь.

Онсапоенго как по команде разделся, юркнул в кровать и сразу уснул, а я долго не мог уснуть и все думал о подарках, которые расхотелось дарить школьному музею, потому что они самому мне нравились, и про то, что Онсапоенго будет для меня большой обузой.

Утром, когда я собирался в школу, искал тетрадки и на ходу зашнуровывал ботинок, мой братишка сказал:

— Я еще ни разу не был в школе. Какая она?

— Школа как школа. Большой дом, — важно объяснил я, уплетая холодные котлеты: мне было некогда.

— А дальше?

— Директор у нас. Завуч. Учителя.

— Ну?

— Ну, парты там есть. Сидим мы на них.

— А дальше?

— «Дальше», «дальше». На доску смотрим, уроки слушаем. Отметки получаем.

— Какие? — мой братишка слушал, открыв рот.

— Всякие... — сказал я, немного подумав.

— Интересно их получать?

— Не очень. Отстань.

— А ты в каком классе?

— В пятом «б». Не мешай есть! Опоздаю! — закричал я, не выдержав.

— Почему в «б»?

— Потому что оденься, — сказал я сквозь зубы, — молоко в холодильнике. Газ не зажигай. Отравишься. Под ванной — только попробуй налить ее! — игрушки. Жди меня. Понял?

— Ага... Твоя школа близко?

— Да! Да! Где же шапка?

Я посмотрел в окно. Наверно, уже зазвенел звонок: два старшеклассника со страшной скоростью, согнувшись, как на катке, мчались к дверям. Я без шапки, расталкивая стулья, тоже побежал в школу. Мой братишка все-таки опять успел спросить:

— «Завуч» это — имя, отчество?

Я уже на ходу от злобы и раздражения ответил ему тихим стоном.

На первом уроке у нас был диктант. На втором и на третьем я не думал о братишке. Но на арифметике, когда меня вызвали ре-

шать задачку про наполнение бассейнов водой, я стал вместо цифр задумчиво рисовать на доске закорючки и грызть кусочек мела. Я представил, как мой братишка открыл все краны в ванной и зажег газ...

Думать о задачке я не мог. Меня посадили на место.

На переменке только я хотел сбегать домой, чтобы успокоиться, как меня схватила за руку библиотекарша Лика и сказала:

— Я слежу уже за твоей пятой книгой. Ты загибаешь странички и ломаешь корешки!

Пока я доказывал Лике, что это «так и было», зазвенел звонок. Я бы, конечно, сбегал домой, но географию у нас временно преподавал новый завуч — Алексей Петрович. Опоздать на его урок я не решился бы ни за что на свете. Несмотря на молодость, как сказала Людка, он был самым строгим из всех учителей, никогда не улыбался и не любил «праздных» вопросов. Его еще не было, а мы уже сидели тихо-тихо и листали учебники.

Вдруг скрипнула дверь, все встали, придерживая крышки парт; дежурный Петька кашлянул, прочищая горло, и в класс вошел... Онсапоенго!

— Здравствуйте, ребята. Я хочу учиться, — сказал он, помахав мне рукой. —Мы прилете...

Я бросился к нему, зажал его рот ладонью и потащил к своей парте. В коридоре уже были слышны шаги Алексея Петровича.

Я взмолился перед ребятами:

— Я вас... Я всю жизнь не забуду. Только молчите!

Все произошло так быстро, что никто даже не успел засмеяться. Я запихнул моего братишку под парту и прошипел:

— Молчи... Сиди... я тебе... я тебя... в метро покатаю!

Наш завуч вошел в класс. Он сразу кого-то вызвал. Я сидел ни жив ни мертв и думал: «Может, все сойдет. Лимский же двух ужей держал за пазухой три урока... Лиля и Громова нашли на дороге щенка... Он тоже сидел под партой и ни разу не тявкнул».

Вдруг Онсапоенго закряхтел и зашевелился у моих ног. Я замер и закрыл глаза. В голове моей сразу стало пусто-пусто. Потом в ней гулко, как в физкультурном зале, загремел голос нашего завуча.

— Рыжиков! Открой глаза. Что творится под твоей партой? Кто там? Я спрашиваю, кто там?

— Я! Это я! — завопил мой братишка и стукнул меня по коленке. Я мешал ему выбраться. Он вылез на корточках в проход между партами. Наш завуч отшатнулся от него. Наверно, на корточках он был похож на зверя, потому что пришел в школу в пальто из оленьей шкуры с капюшоном и унтах. Он встал с пола и протянул нашему завучу руку. Наш завуч покраснел и отошел к доске. Тогда мой братишка стал тереть кулаками глаза.

— Без слез! Без слез! Без слез! — умоляющим голосом сказал наш завуч, чему я очень удивился. — Кто ты?

— Мы прилетели с Севера, — быстро залепетал мой братишка, — а вы — директор Завыч? Я ни разу не был в школе. Я хочу получить отметку. Можно?

Несколько человек хихикнули, но наш завуч только слегка наморщил лоб, и в классе стало тихо.

— Как тебя зовут? Только без слез!

— Онсапоенго, — гордо сказал мой братишка. Сначала наш завуч задумался, потом взял его за руку.

— Садись вот сюда. С Башмаковым. Разденься и сиди тихо.

— Мне не жарко, — обрадовался мой братишка.

Все зашептали: «Онсапоенго! Онсапоенго!» А я вытер вспотевшее лицо.

— Продолжим, — сказал наш завуч, — кто из вас может что-нибудь вспомнить о растительности и животном мире Крайнего Севера?

— Я! — закричал Онсапоенго.

— Нужно поднимать руку, — сказал наш завуч, снова покрасневший и ставший похожим на студента. — Что же ты знаешь?

— А вы мне дадите отметку?

— Там будет видно. Отвечай...

— Я катался на собаках и хотел поймать песца, а мой папа убил медведя... потом я люблю гладить оленей и кормить мохом... у них рога... я не боюсь пурги... еще я умею читать большие буквы и петь песню... — Онсапоенго и вправду запел, — «пусть всегда-а будет мама, пу-у-усть....» — но наш завуч перебил его:

— Все... все... пятерка... — и отвернулся к доске. Плечи у него тряслись.

Я шепнул Петьке:

— Плачет от песни...

— Смеется, — сказал Петька. — Я его сразу раскусил: притворяется злым, чтобы мы не разболтались. У меня отец такой же.

— А отметку? — заныл мой братишка.

Наш завуч поставил ему на листочке пятерку и сказал:

— Вот бы некоторым из вас такую жажду знаний, как у этого малыша. Садись на место. Переходим к новому материалу.

Когда кончился урок, он подошел к моей парте и прогремел:

— Но завтра! Пора понять, Рыжиков, школа — не детский сад! Прощай, Онсапоенго.

— Его родители... они же на меня его оставили... — сказал я.

Завуч вышел. Девчонки сразу окружили моего братишку и защебетали:

— Онсапоенгушко! Онсик! Тебя оставили одного... Бедненький... Нужно шефство...

Я растолкал их и рявкнул:

— Завтракал? Зачем пришел?

— А это не твоя школа, а средняя, — надулся Онсапоенго. — И я поел мороженое мясо. Оно за окном висело. Настрогал немножко... И газ не зажигал, а ванну тоже вылил.

Я сразу успокоился. Ребята щупали его оленье пальто, расспрашивали про северное сияние, про лаек, и, в общем, про все то, что вспомнили после урока о Севере. Я гордо посматривал на них и не перебивал Онсапоенго. Только мне хотелось побыстрей увести его домой, но тут прибежал восьмиклассник Бочаров и вцепился в оленье пальто.

— Онсапоенго? Здравствуйте. Бочаров. Я смотритель школьного музея. Пойдем, я тебе все покажу.

Он потащил его в музей, а я плелся следом, грустно соображая: «Жалко отдавать в музей и рога, и лапу, и упряжку. Отдал же я краба и пуговицу гимназиста конца девятнадцатого века. Не отдам и рога, и лапу, и упряжку...»

В нашем музее Бочаров водил моего братишку от стенда к стенду, мимо витрин и полок и все объяснял:

— Уникальный махаон Дины Диковой... Закарпатские носки. Клюв орла... Вовкин краб... Кольчуга... Интересно?

Мой братишка молча кивал, вытаращив глаза, и облизывал губы. Тогда Бочаров, тоже облизывая губы и поглаживая оленье пальто, сказал, вздохнув:

— В такой одежде ходят эскимосы... ненцы... и другие народности Севера. Это — экспонат! Малица называется.

Онсапоенго тут же снял через голову оленье пальто с капюшоном.

— Все равно оно будет скоро мало... и унты...

— Нет... нет... что ты... зачем... неудобно... — запритворялся Бочаров.

— А в чем ты домой пойдешь? — закричал я в отчаяньи.

Кто-то сказал:

— Я сбегаю за пальто и за бурками... Я из них вырос... в нафталине они лежат... Мигом!

Бочаров чуть не заплакал от радости:

— Мы это повесим на стене и напишем: «Великодушный дар жителя Севера Онсапоенго», а ты каждый день приходи сюда и вот тебе от имени совета музея махаон.

Мой братишка засунул коробочку с махаоном за пазуху и ойкнул от счастья. Я как-то размяк и, сам не знаю почему, сказал:

— Я отдам музею рога, лапу медведя и упряжку... только через неделю... нет, через десять дней отдам...

Когда Шишкин из третьего «а» принес бурки и пальто, я, устав от всех этих дел, одел моего братишку и повел его домой. Сначала за нами бежали первоклашки и кричали:

— Онсапоенго! Онсапоенго! Ура! Ура!

Потом они отстали. А от этого Онсапоенго пахло нафталином так, что у меня заслезились глаза и я думал: «Прошел всего один день... а сколько он натворил... Надвигается завтра. Может, привязать к кровати, чтобы не ел мороженое мясо?.. Зачем я согласился!..»

Я шел медленно, смотря под ноги. Вдруг мой братишка вырвался и закричал:

— Вовка! Смотри! Онсапоенго!

Мимо нас проезжал «маз» с белой дюралевой цистерной. На ней большими красными буквами было написано «огнеопасно».

— Ну и что? — сказал я зло.

— А ты прочитай наоборот! Как я на Севере.

Я прочитал наоборот и криво улыбнулся: получилось «Онсапоенго».

Сжав губы, я с трудом удерживался от смеха. Мне, как нашему завучу, нужно было притворяться злым и строгим, чтобы мой братишка совсем не разболтался. Почему я сразу не прочитал «Онсапоенго» наоборот? Ведь я и сам любил читать наоборот всякие слова на улицах. Я спросил:

— Как тебя зовут?.. По метрике только!

— Славик. А что? — как ни в чем не бывало сказал мой двоюродный братишка.

ПОЛЕЗНЫЕ ГОРОШИНЫ

Ю. Майшева

...Перед вами совхозное поле. Что это за шляпы прямо на земле? — спросил наш корреспондент у Якова Васильевича Петровского, кандидата сельскохозяйственных наук.

— Удлиненные колпачки, небольшие поля которых цепко держатся за землю, и вправду можно принять за шляпу.

Чем не современная мода?! И материал самый модный — известный пластик полиэтилен! Но шляпы служат не моде: они прикрывают овощи от заморозков и лишней влаги, от губительной жары и разбойниц-птиц. «Шляпы» помогают овощам расти.

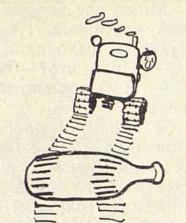
Однако главная защита овощей — парники. Парники в недалеком прошлом —

это деревья, выращенные, спиленные, превращенные в рамы, это — хрупкие, бьющиеся стекла. Есть в сельском хозяйстве новые укрытия и новые парники. Тонкая полиэтиленовая пленка — серебристое «небо» парника, гибкие, прочные дуги из полиэтилена — основа его. Он напоминает легкий воздушный шалаш, высота которого иногда достигает высоты жилой комнаты. Но самое ценное в этих «шалашах» то, что «небо» их лучше, чем стекло, пропускает свет и тепло. Поэтому урожай овощей богаче, иногда даже в два раза.

Полиэтиленовой пленкой для выращивания овощей пользуются совхозы многих областей нашей страны. Ведь пленка прозрачна и легка, не разобьется, как стекло.

Однажды сделали такой опыт: пустили по дороге десятитонный бульдозер, а под его гусеницы положили огромную полиэтиленовую бутыль. Бульдозер прошел, а бутыль даже не помялась!

Это потому, что полиэтилен прочен.

Ты сидишь дома, смотришь телевизор и не знаешь, что кабели, по которым передается изображение, одеты в полиэтиленовые «рубашки».

Это потому, что полиэтилен мало горюч и плохо пропускает влагу.

Если бы потребовалась труба в тысячи километров длиной, то и ее можно было бы выдавить из полиэтилена. Подсчитано даже, что девять миллионов тонн стали понадобилось бы вместо миллиона тонн труб. Причем, полиэтиленовым трубам не страшен напор жидкости: они эластичны.

Есть на заводах оборудование с полиэтиленовыми кранами, станки с бесшумными шестеренками. Им не нужна смазка, они не заржавеют.

У полиэтилена много полезных свойств. И получать его дешево. Было время, когда не знали, что делать с этиленом — «попутчиком» нефти, как от него избавиться. Его сжигали, чтобы он не загрязнял воздух. И вот — ненужный газ стал полезным. Этилен собирают в огромные баллоны — газгольдеры, потом перекачивают в котлы-реакторы. И под влиянием температуры и давления молекулы-малышки этилена становятся молекулами-гигантами. Другие молекулы — другое вещество. Нет больше газа. Есть вязкая горячая масса. Она проходит через смеситель и выталкивается в бачки с холодной водой. Впервые полиэтилен становится похож на себя: остывая, масса делается белой и непрозрачной.

Полиэтилен проходит еще одно превращение. В шнек-машинах, вроде больших мясорубок, лопасти перемешивают горячую массу, проталкивают ее через сетку. Только покажутся толстые «вермишелины», их тут же перерезают ножи, охлаждает воздух. Готовые горошины-половинки сыплются в бункер.

В виде горошин полиэтилен путешествует не только из цеха в цех, но и переезжает с завода на завод, иногда за тысячи километров. Из Уфы и Салавата в Ленинград, на Охтинский комбинат, везут и везут мешки с полиэтиленовыми горошинами. А уже из них, как мы знаем, делают много полезных вещей.

КЮК

СТРЕЛКА-НЕПОСЕДА ПОДРАГИВАЕТ МЕЖДУ «УВЛЕКАТЕЛЬНО» И «ЗАБАВНО». ЗАПАХЛО ДЫМКОМ КОСТРА. А ВОТ И САМ ПУТЕШЕСТВЕННИК АЛЕША ВЛАСОВ ИЗ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ, С РЮКЗАКОМ ЗА ПЛЕЧАМИ. ЯСНО, ОТПРАВИЛСЯ В ПОХОД... АЛЕША РАССКАЗЫВАЕТ ВЕСЬМА ПОУЧИТЕЛЬНУЮ ИСТОРИЮ ПРО ТО,

ДО ЧЕГО ЖАДНОСТЬ ДОВОДИТ

Все любят печеную картошку, а я, с некоторых пор — не очень. И вот почему. Осенью мы помогали совхозу убирать урожай. А во время отдыха пекли на костре картошку. Как-то раз мы сидели и ждали, когда испекутся печенки, так их у нас зовут. Незаметно для всех я попробовал одну печенку, она была уже готова, вкусная такая. Я быстро выхватил из костра еще картофелину и в карман! Потом еще две — и тоже в карман!

Все ели печенки и я вместе со всеми. Вдруг я заметил, что ребята на меня показывают и смеются. Оказывается, фуфайка на мне уже дымилась, а возле кармана выгорела большая дыра. Мне было очень жаль новую фуфайку.

Вот почему я теперь не люблю печенки.

Перед вами «Купол ювелиров», старинная постройка в центре Бухары.

Таки-Тильпак Фурусан — купол тюбетеечников. Таки-Саррафан — купол менял. Над каждой лавкой ювелира маленький купол, а над целым торговым перекрестком — один огромный. Строили круглые кирпичные купола с нишами, чтобы спастись от жары: в них легко проникал малейший ветерок. Через ниши покупатели заглядывали в лавки, в мастерские, переговаривались с ювелирами.

Сейчас не покупатели, а туристы осматривают заброшенные лавчонки. «Купол ювелиров» — достопримечательность старой Бухары.

Фото Б. Шварцмана

Медвежьи балконы

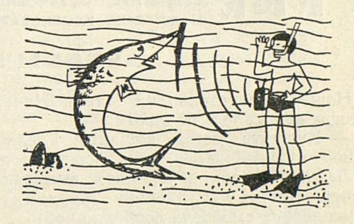
Знаете, как медведь добывает буковые орешки? Взобравшись на бук, медведь ломает сук с орехами, затем, усевшись на основание сука и прислонившись спиной к стволу, отъедает плоды. Закончив эту операцию, медведь подгибает «обработанный» сук. С соседними проделывает то же самое. Потом лакомка залезает выше, как бы на следующий этаж. Подмятые медведями сучья напоминают балкон.

Однажды в Тебердинском заповеднике (Северный Кавказ) насчитали на вековом буке семь медвежьих балконов.

В Индии вступили в действие новые дорожные правила. Вот один их пункт: «Владельцы слонов, движущихся по шоссейным дорогам, при наступлении сумерек обязаны привесить на хвост слона белый фонарь во избежание несчастных случаев». Нарушителю этого пункта грозит тюремное заключение или денежный штраф.

Надежнее ружья

Недавно в приморском американском городе Майами инженеры испытали аппарат для отпугивания акул. Не тяжелый — весом не больше килограмма — генератор электромагнитных волн прикрепляется к поясу пловца или аквалангиста. Установлено, что к работающему «акулоотпугивателю» морские хищницы не в силах подплыть ближе, чем на 25 метров.

Зеленые волосы

Возле плавательного бассейна в городе Осло — столице Норвегии висит предупреждение: «Ныряя в бассейне, вы рискуете выйти из воды с зелеными волосами». И действительно, таких случаев в бассейне Осло бывает немало. Причина этой окраски — большое содержание хлора в воде.

Чтобы огонь не погас

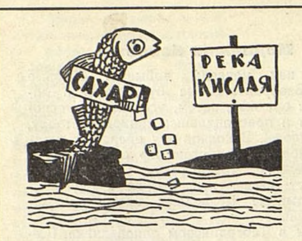
Возле страшного рифа покачивается на волнах ярко-красный буй. Ночью на нем мигает огонь, предупреждая моряков об опасности. А если огонь не зажегся? Добираться до буя трудно. И все-таки — хоть два раза в год — приходится подплывать к нему и производить ремонт и заправку.

Понемногу стали использовать в отдаленных и труднодоступных частях моря новые буи со специальным генератором. Блок с ядерным веществом — главная часть такого устройства.

Такой генератор требует двух проверок в течение всей его десятилетней жизни.

Об этом рассказал польский журнал «Море».

ЧТО? **ГДЕ?**

В Колумбии, вблизи действующего вулкана Пурасе, протекает река Эль Рио Винегре, что в переводе означает «кислая». В ее водах не может жить ни одна рыба, потому что на 1000 частей воды приходится 11 частей серной кислоты и 9 частей соляной. Вода «кислой» реки не по вкусу рыбам.

„Побольше бы ржавчины“

В таком духе высказываются работники польского химического комбината «Захем». Здесь научились изготовлять из ржавчины ценнейший краситель — желтую охру, которая широко используется в народном хозяйстве.

Радиофицированное стадо

Один американский фермер был не столько ленивым, сколько изобретательным человеком. Он крепко-накрепко прикрутил к рогам быка приемник с усилителем, а у себя на кухне установил небольшой радиопередатчик. С этих пор он «гнал» свое стадо на пастбище и обратно по радио. Представьте себе, по горной дороге идут коровы без пастуха. Впереди бык с громкоговорителем между рогами. Из динамика раздаются резкие щелчки, от которых все стадо сразу начинает шагать веселее — это фермер, развалясь в кресле перед микрофоном, щелкает бичом.

КОГДА? **ПОЧЕМУ?**

КЮК

СТРЕЛКА КОМПАСА, КАК ЗАВОДНАЯ, ПОНЕСЛАСЬ ПО КРУГУ, И ВДРУГ, ВЗДРОГНУВ, ОСТАНОВИЛАСЬ У НАДПИСИ «СМЕШНО». ТАК, ПОСМОТРИМ, ЧТО НАМ ХОЧЕТ РАССКАЗАТЬ ИРА АНТИПОВА ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА...

НЕОБЫЧНЫЙ ЧЕМПИОНАТ

Наша воспитательница Мария Николаевна всегда заботилась об одном:

— Кушайте, детки, кушайте! Главное, хорошо кушать!

Лешка Корвин с упоением выполнял этот завет. Поэтому на Лешку Мария Николаевна смотрела особенно доброжелательно. Она говорила нам:

— Берите пример с Леши!

Однажды за обедом кто-то пошутил:

— Леш, а десять порций съешь?

Лешка обвел всех ленивым взглядом:

— Десять? Можно...

Все засмеялись. Лешка рассердился.

— А что, и съем!

Подготовительное бюро чемпионата немедленно принялось за работу. С каждого стола конфисковали по одному голубцу.

При установлении рекорда присутствовали: первое звено второго отряда, третье звено первого отряда и один член третьего отряда. Больше никого в столовую не пустили, чтоб не привлекать внимания воспитателей. Окна столовой облепили любопытные носы. Наступила вежливая тишина. Лешка взмахнул вилкой и начал. Все шепотом считали: «Раз, два, три... шесть...»

На последнем голубце Лешка запнулся. Любопытные носы замерли.

Возле Лешки стоял Вова. Казалось, они едят вдвоем — Лешка ртом, а Вова — глазами. Вова прошептал:

— Ну, Лешенька, ну, последний!.. Лешка набрал побольше воздуху и проглотил голубец. Все закричали:

— Ура, чемпион!

Любопытные носы от радости чуть не разбили стекло.

В стенгазете в тот же день появилось стихотворение.

«Леша за семь молодцов
съел четырнадцать голубцов»

За Лешкой установили наблюдение, опасаясь за его здоровье. Но волнения были напрасны.

Можно еще добавить, что наш лагерный девиз «Равняйтесь на лучших!» в этот раз не подействовал.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Кто такой Роберт Хейес?

Кто такая Вайомия Тайес?

Это самые быстрые люди на земле, победители соревнований по спринту (бегу на короткие дистанции) на XVIII Олимпийских играх в Токио.

Роберт и Вайомия — жители США. На Токийской олимпиаде они значительно опережали наших спринтеров. И не только они. Впереди были бегуны Кубы, Польши, Ямайки, Тринидада. Это очень обидно! Ведь в большинстве других видов спорта советские спортсмены не знают равных, а вот в беге, и особенно в беге на короткие дистанции, наши спортсмены уступают своим соперникам.

На будущих олимпиадах — а они проводятся раз в четыре года — на старт выйдет новое поколение советских бегунов. Среди них обязательно должны быть те, кому сегодня 10, 11, 12, 13, 14 лет. И они должны победить!

Хочешь ли ты бегать с такой же быстротой, как негритянские спортсмены из США Хейес и Тайес или, может быть, еще быстрее?

Этого не добьешься ни за неделю, ни за месяц. На тренировки нужно потратить годы. И чем раньше ты начнешь готовить себя к спортивной борьбе на гаревой дорожке, тем лучше. Одиннадцатикратный чемпион страны Эдвин Озолин добился первой победы в беге на короткие дистанции в 13 лет, а вообще заниматься спортом он начал значительно раньше. Польская школьница Ева Клобуковска за два года прошла путь от чемпионки своего класса до верхней ступеньки олимпийского пьедестала почета.

Счастье лететь, рассекая воздух, оставляя всех позади, дается не сразу. Легкость, непринужденность, умение придут со временем.

Негритянская девочка Вилма Рудольф в детстве тяжело болела, даже ходить Вилма научилась только в семь лет. Она с трудом передвигала ноги, когда впервые пришла в легкоатлетическую секцию. Через десять лет на Олимпийских играх в Риме девушка выиграла три золотые медали в спринтерском беге!

Для тех, кто хочет добиться успеха в спринте, мы открываем на страницах «Костра» заочную спортивную школу «СПРИНТ».

Как нужно и как нельзя бегать,

как правильно провести разминку,

какие упражнения включить в зарядку,

как построить беговую дорожку —

об этом вы узнаете на уроках в нашей школе.

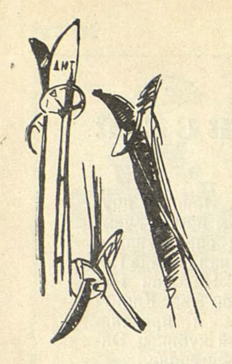
Преподавать будут заслуженные тренеры СССР В. И. Алексеев, В. В. Атаманов, Д. П. Ионов и другие. Им помогут чемпионы спартакиад и олимпиад Галина Попова, Николай Политико, Эва Клобуковска и прославленный кубинец Энрике Фигерола.

Нет вида спорта, в котором тебе не пригодилась бы беговая подготовка. И футболисты, и баскетболисты, и боксеры пробегают на тренировках многие десятки километров. Даже шахматисты включают бег в программу своей подготовки.

Если ты все обдумал и решил заниматься в школе «СПРИНТ», напиши нам об этом. Расскажи в письме о себе подробнее. Мы занесем тебя в списки школы и, если понадобится, будем высылать тебе дополнительные консультации. Не забудь на конверте к адресу «Костра» добавить: Школа «СПРИНТ».

ВПЕРЕД, БЫСТРОНОГИЕ!

ДОРОГОЙ ЖИЗНИ — ДОРОГОЙ ОТЦОВ

На днях в редакцию ввалились запорошенные снегом люди. На них были ватные куртки, теплые штаны и шапки-ушанки. Они внесли с собой лыжи, и в комнатах сразу запахло мокрым деревом, смолой, мазью...

Это был наш специальный корреспондент Григорий Самойлович Усыскин с группой юных туристов Дворца пионеров. По заданию редакции они прошли по Дороге Жизни. Прошли 180 километров через леса и болота, вдоль рек и каналов, через ладожский лед, в морозы и оттепель... Одиннадцать дней по знаменитой военной трассе. Это она во время блокады Ленинграда в 1941—1944 годах связала наш город со страной, спасла население от голодной смерти и помогла отстоять Ленинград.

...Мы уселись за круглый стол и стали рассматривать фотографии, принесенные нашими друзьями. Про каждую из них туристы что-нибудь рассказывали. Самые интересные фотографии мы решили показать и читателям «Костра».

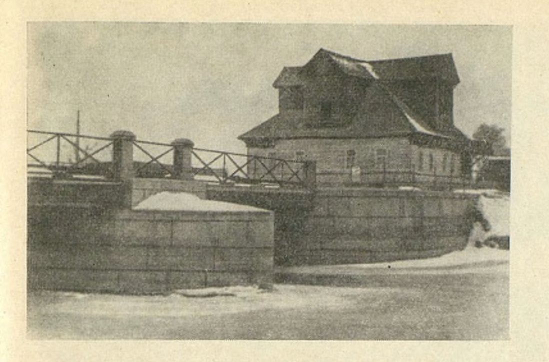
Если бы дороги могли говорить! Ну вот хотя бы эта, древнейшая, что идет от Новой Ладоги на Копорье. Семь веков топтали ее скандинавские рыцари, семь веков встречали здесь врагов новгородцы и ладожане. Вдоль дороги построили они заставы, которые первыми принимали бой.

В сентябре 1702 года в Ладогу прибыл Петр I. Отсюда он повел полки против шведской крепости Нотебург. Теперь только русская речь и русская музыка звучали на дороге.

В XIX веке старая дорога потеряла свое значение. Теснил ее лес, наступала трава, и постепенно она совсем заглохла. Только изредка возили по ней сено.

Так и закончилась бы ее девятивековая биография, если бы не оказалось, что нет другого пути в осажденный Ленинград из Новой Ладоги, кроме этого старинного тракта. Его расчистили, расширили, укрепили, чтоб он мог еще раз послужить стране.

...А теперь мы идем по древней дороге. Тихо вокруг. Глубокий снег лежит повсюду. Настоящая глушь. Только следы лосей пересекают дорогу да тянется наша лыжня.

А Леня Бируля показал нам свои походные наброски

Кобона... Мы остановились на ночлег в интернате восьмилетней школы. Это было холодное, неуютное здание. Ребята разъехались на каникулы, дом выстыл. Даже вода в ведрах замерзла.

Голодные, продрогшие, усталые — прошли больше тридцати километров — сгрудились мы на кухне, где орудовала, растопляя большую плиту, техничка тетя Саша. Она кончила дела, присела и стала рассказывать:

— А ведь здесь в войну питательный пункт был. Ленинградцев кормили эвакуированных. У дома очередь стояла, а самые слабые в комнатах отогревались. И кухня на старом месте сейчас. Вот на этой плите кашу варили. Жидкую такую. День и ночь булькала... Многие этот дом на всю жизнь запомнили...

А мы-то жаловались, что в доме холодно, что не скоро сварится обед, что замерзли ноги. Разве наша усталость — усталость, разве наши заботы — заботы, разве наше «хочу есть» — голод?..

Мало осталось в окрестных деревнях людей, которые помнят те суровые дни. А кто остался, отвечает на расспросы примерно так:

— Да ничего особенного и не было. Шли машины и шли. Бывало, шофера постучатся ночью в окно, вроде как вы, попросят попить да погреться. Пустишь их. Полушубки расстегнут, сядут на пол спиной к печке, приткнутся и спят как убитые. А руки вроде как руль держат — пальцы не разогнуть.

Посмотришь на них — жалость берет, а будить надо, машина за окном тарахтит, мотор-то не выключен. Подождешь немного, а потом за плечо. Вздрогнут, голову вскинут и снова в путь...

Осиновец, Осиновец, я Кобона! Осиновец, Осиновец, я Кобона!

Осиновец молчал. До глубокой ночи скрипели ступени в старом доме, сыпалась штукатурка, и настойчивый голос доносился с чердака:

— Осиновец, я Кобона, отвечайте, перехожу на прием!

Приближался заключительный этап нашего маршрута — переход Ладожского озера. Еще в Новой Ладоге по телефону нам передали, что обстановка на озере сложная и движение опасно, а в некоторых местах и вовсе невозможно. Еще сказали, что выслан самолет на ледовую разведку. Результаты будут переданы на метеостанцию маяка Осиновец, а оттуда по рации нам, в Кобону.

— Осиновец, Осиновец, я Кобона! Я Кобона!

Молчит Осиновец...

Наутро наладилась связь, и вот сообщение: кругом чистая вода, льда нет, выход запрещен.

Это сыграл над нами злую шутку западный ветер. Настойчиво и упорно, как таран, он дул почти всю неделю в нашу сторону, ломая тонкую, еще не окрепшую корку льда.

Принимаем новое решение. Пройдем хотя бы часть ледовой трассы до острова Большой Зеленец. Это примерно километров десять.

...Выходим. Впереди гладкий лед, только изредка попадаются пятна снега. С нами радиостанция. Регулярно переговариваемся с Кобоной, иногда с Осиновцом. Ветер ослаб ровно настолько, чтоб не сбить с ног.

Первые шаги по льду неуверенны и осторожны. Пугает черный прозрачный лед с застывшими пузырьками воздуха. Кажется, ударь каблуком посильнее и брызнет вода. Но это оптический обман, сами проверяли.

Видимость прекрасная. Тоненькой черточкой впереди — Большой Зеленец. Этот клочок земли пересекает шестидесятая параллель. Она чуть-чуть не дотянула до Магадана и совсем близко проходит от столицы Норвегии, а вот Большой Зеленец делит как раз пополам. Но остров знаменит не этим географическим курьезом. Он вошел в историю как важный пункт на ледовой трассе. Самая первая дорога, которую проложила разведка, прошла именно через Зеленец. До сих пор видны на острове ходы сообщений, землянки, боевые ячейки пулеметчиков... Березки причудливо изогнуты под напором ладожских ветров. Они словно кланяются тем, кто сражался на этом боевом рубеже, кто отдал здесь свою жизнь.

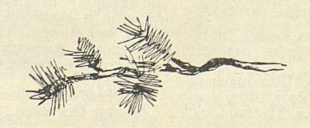
До слез было обидно возвращаться обратно. Но пришлось отступить. По воде мы еще ходить не умеем...

— Ну и как, — спросили мы Григория Самойловича, — так и не удалось вам перейти озеро?

— Удалось, — ответил наш специальный корреспондент, — и как раз сегодня. Мы наконец дождались хорошего мороза и прошли по окрепшему льду остальную часть маршрута. Итак, первый туристский переход Дороги Жизни успешно завершен. Вот подарок редакции с того берега Ладожского озера...

С этими словами Григорий Самойлович вытащил из рюкзака и положил на стол пушистую сосновую ветку. У нас на глазах она оттаяла, расправила свои лапы. Когда ветку подняли, чтоб поставить в кувшин, на скатерти остался ее влажный отпечаток.

КЮК

СТРЕЛКА КОМПАСА ПОКАЗЫВАЕТ НА ЮГО-ВОСТОК. НА БЕРЕГУ ПРИВЕТЛИВОЙ ЮЖНОЙ РЕКИ СТОИТ ЧЕЛОВЕК В ТЮБЕТЕЙКЕ, С ПРИЧУДЛИВЫМ МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ В РУКАХ. ОН ЛАСКОВО УЛЫБАЕТСЯ НАМ. ЭТО ВЕРНЫЙ ДРУГ «КОСТРА» АЛИШЕР ЮНУСОВ ИЗ СЕЛА ВУАДИЛЬ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ. САЛЯМ АЛЕЙКУМ, АЛИШЕР! ДАВАЙ ПРИСЯДЕМ НА БЕРЕГУ И ТЫ РАССКАЖЕШЬ НАМ СВОЮ ИСТОРИЮ...

Я БУДУ ЛЕНИНЫМ

Однажды я сидел вот так же на берегу речки и рисовал живописный пейзаж. Рядом послышались голоса.

— У дяди Ленина была сабля! — утверждал один.

— Нет, пистолет! — спорил другой.

Я обернулся и увидел двух братьев — Аваза и Лешу. Леше пять лет, Авазу шесть.

— Сабля! — кричал Аваз.

— Пистолет! — не уступал Леша.

— Постойте, ребята, — сказал я им. — Во-первых, не дядя Ленин, а просто Ленин. А во-вторых, ни пистолета, ни сабли у Ленина не было.

Потом я взял ребят за руки, пошел с ними в беседку и показал им картинки из альбома «В музее Ленина». За альбомом я сбегал в библиотеку.

— Кем ты станешь, Авазик, когда вырастешь? — спросил я, когда альбом был закрыт.

— Лениным, — не задумываясь ответил Аваз.

... Перед самым ужином я с моим другом Рауфом играл в шашки. К нам подошел Аваз и хотел взять одну шашку.

— А ведь Ленин никогда не мешал старшим играть, — сказал я Авазу.

— Когда старшим надо идти ужинать, он мешал! — ответил «будущий Ленин».

Рисунки для КЮКа сделала Т. Капустина

НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КЛУБА ЮНКОРОВ

В честь 50-летия нашей страны Клуб Юнкоров «Костра» начал экспедицию под девизом «МОЙ ДОМ, МОЯ СЕМЬЯ, МОЯ ШКОЛА». Об этом уже сообщалось подробно в «Костре» № 10 1964 года.

Участником экспедиции будет каждый, кто не позднее 1 мая 1965 года пришлет в редакцию рассказ, стихи, фото или рисунки о жизни своей семьи, школы или дома.

ЮНКОРЫ, ЮНЫЕ ПОЭТЫ, ФОТОГРАФЫ И ХУДОЖНИКИ, В ПУТЬ!

Первый слет участников экспедиции — в 5-м номере «Костра» 1965 года.

Не забудьте нарисовать на своем конверте эмблему экспедиции — красный флажок.

КОСтя ТЕРкин ПРЕДЛАГАЕТ

Из самых интересных рассказов, стихов, фотографий и рисунков, присланных участниками экспедиции, составить книгу, отпечатать в настоящей типографии и выпустить в свет ко дню рождения нашей страны, когда ей исполнится 50 лет.

КОСтя ТЕРкин СПРАШИВАЕТ:

1. Приглашать ли в эту книгу взрослых авторов?

2. Кому посвятить книгу?

3. Как назвать ее?

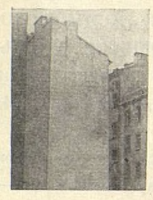
КОСтя ТЕРкин ЖДЕТ ОТВЕТОВ НА ЭТИ ТРИ ВОПРОСА НЕ ПОЗДНЕЕ 1 МАЯ

ДУМАЙТЕ, ФАНТАЗИРУЙТЕ, ПРЕДЛАГАЙТЕ!!!

НАШ СТОЛ ОТГАДОК

Это не монумент, а прадедушка нашего современника — километрового столба. «Мраморные верстовые пирамиды» — так называли их в XVIII веке, когда эти пирамиды были поставлены на дороге от Петербурга до Пулкова. Автор проекта старинных столбов — известный архитектор А. Ринальди.

До революции существовал специальный строительный устав. Он защищал интересы частных владельцев, чтобы богачи не передрались. Например, запрещал сливать воду на участок соседа. Вот и приходилось строить крышу с одним скатом, чтобы потоки дождя не стекали на чужую территорию. По этим же причинам стена дома, если она приходилась на границу участков, делалась глухой: ведь сосед всегда мог поставить вплотную к ней свой дом.

Вы просто не узнали ее, это же каланча. С ее верхушки бравый пожарный оглядывал округу — нет ли где дыма или огня. А время шло, поднялись вокруг многоэтажные здания, заслонили горизонт, — теперь с каланчи ничего не увидишь. И не нужно: есть радио, есть телефон.

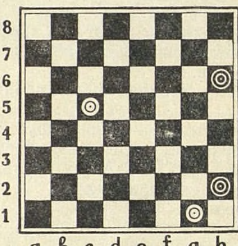

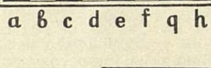
Тумбы — память о временах, когда по улицам ездили извозчики. Тумбы заставляли извозчика правильно, под прямым углом разворачивать подводу и въезжать в подворотню, не сбивая углов дома.

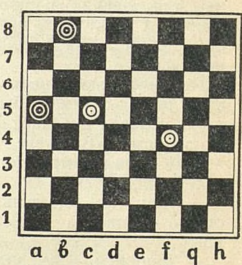
ВСЕГО ДВЕ БЕЛЫХ И ДВЕ ЧЕРНЫХ

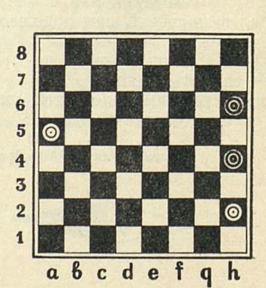
Эммануил Ласкер в течение 27 лет был чемпионом мира по шахматам. Он сказал: „Шашки — мать шахмат, и достойная мать". Мы предлагаем три простые позиции любителям шашек и шахмат. Попробуйте решить их. Пришлите нам свои решения и укажите, сколько времени вы затратили на каждую позицию.

Мастер спорта СССР Ю. Барский

Отметить вместе с Весёлым Архивариусом Новый год пришли архивная мышка Нюша, архивная кошка Маша и Митя Мохов, известный коллекционер. Когда все уселись за стол, Архивариус произнес речь.

МЕНЮ

Друзья! Размышляя о новогоднем угощении, я по привычке навел справки в архивах. Сначала мне попалось меню завтрака екатерининского вельможи.

1. Похлебка из рябцев с пармезаном и каштанами.
2. Филейка по-султански.
3. Говяжьи глаза в соусе, называемые «поутру проснувшись».
4. Небная часть в золе.
5. Хвосты телячьи по-татарски.
6. Телячьи уши крошеные.
7. Баранья нога.
8. Голуби по-станиславски.
9. Гусь в обуви.
10. Горлицы.
11. Крем жирный.

Сказать честно, я не все разобрал в меню старинного обжоры и решил поискать чего-нибудь поскромнее. В старину, как известно, люди каждый год постились, то есть старались некоторое время быть умеренными в пище. Следующий попавшийся мне документ относился к неделям великого поста 1667 года.

«В среду первыя недели великого поста святому патриарху были поданы хлебцы, взвар сладкий с пшеном и медом, с перцем да с шафраном, хрен, греночки, капуста топаная холодная, горошек холодный, киселек клюквенный, кашка тертая с маковым сочком и пр. Того же дня было патриарху прислано: кубок романеи, кубок ренского, кубок малвазии, хлебец крупичатый, полоса арбузная, горшочек патоки с инбирем, горшочек мазули с инбирем, три шишки ядер...»

От этакого поста, запиваемого крепкой романеей да сладкой малвазией, можно разжиреть!.. И наконец мне попалось на глаза меню праздничного обеда Петра I.

1. Колбаса с чесноком.
2. Похлебка.
3. Жаркое.
4. Вареная в сахаре дыня.

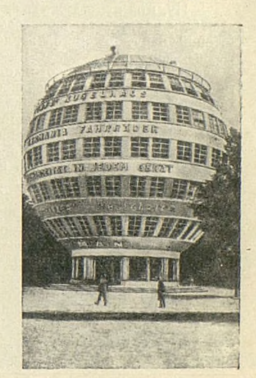
Вот это то, что надо — вкусно и в меру. Друзья, прошу к столу!

ОТМЕТКА ЗА СОЧИНЕНИЕ

РАССКАЗ МАШИ

Я видела недавно сочинение, написанное взрослым дядей. В прошлом веке чиновник, желавший получить место в канцелярии, обязан был держать экзамен. Тема сочинения: «Река Нева и ее история». Вместо отметки стоит резолюция начальника канцелярии: «Приведенные автором цифры и факты по излагаемому вопросу оказались по проверке с делами канцелярии вполне правильными. Что же касается до положения, что будто при устье реки Ижоры князь Александр Ярославич одержал победу над шведами и за это получил название Невского, то по справке сведения об этом в делах канцелярии не имеется».

А молчаливый Митя положил на стол свою новую находку, вот эту фотографию.

— *Футбольный мяч?* — *спросил Архивариус.*

— *Моток шерсти,* — *сказала Маша.*

— *Сыр!* — *возразила Нюша.*

— *Дом на окраине города Дрездена,* — *объяснил Митя.* — *Сорок лет назад один немецкий архитектор, желая перещеголять всех коллег оригинальностью, построил шаровидный шестиэтажный дом.*

НАША ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

к 4 стр. обложки

Дорогие ребята! В четвертом номере «Костра» за 1964 год был объявлен конкурс на лучшую самоделку из природных материалов. Вскоре в редакцию стали прибывать посылки из разных городов, деревень и поселков нашей страны. Приятно было их распаковывать! Открываем деревянный ящик — в нем коробка, открываем коробку — там бумага, разворачиваем бумагу — а в ней... Впрочем, взгляните на четвертую страницу обложки и вы сами увидите, что было в посылках.

Первого октября на большом редакционном столе мы расставили все самоделки. Глаза разбежались: одна работа интересней другой; сколько в них выдумки, фантазии! А нам задача: нужно определить, кому первое, кому второе, кому третье место...

Первое место поделили между собой **Людмила Федосова** из города Чапаевска Куйбышевской области и **Оля Смирнова** из Ленинграда.

Люся прислала несколько работ, две из них воспроизведены на цветной вклейке: «На Луне» и «Сплетницы». Обратите внимание на первую: ракета сделана из бересты, скала — из сосновой коры, человечки в скафандрах из желудей. Очевидно, это космонавты-геологи. У одного в руке молоток, у другого — лупа. Все сделано остроумно, изящно. Молодец, Люда!

Рядом «Сплетницы». Две кумушки-болтушки судачат между собой. Фигуры прекрасно выполнены из желудей, веточек и сосновых шишек.

Оля Смирнова, ученица шестого класса ленинградской школы, принесла свои работы в последний день конкурса. Она увидела игрушки на редакционном столе и сказала:

— Ну, мои куда хуже...

И Оля нехотя стала развязывать свою коробочку, из которой одну за другой извлекла... семнадцать миниатюрных фигурок!

Все они были непохожи одна на другую, сделаны тщательно, прямо-таки ювелирно. Некоторые из них вы можете увидеть на снимках. Обратите внимание на лебедя: туловище — это косточка от персика, шея из кусочков соломинки, нанизанных на проволоку; голова — маленький желудь. (На снимке фигуры пришлось увеличить, а жаль: прелесть их в миниатюрности.)

Три вторых места присуждены мальчикам: **Вове Благих** из Челябинска, **Олегу Колеснику** из Калининграда и **Васе Сердюкову** из Куйбышевской области.

Вова Благих прислал несколько работ. Самая интересная из них — «Олень», сделанный из веток. Фигура оленя изящна, осанка гордая.

Олег Колесник нашел очень выразительный корень, прибавил несколько деталей, и у него получилась фигура лешего. Леший — персонаж сказочный, фантастический, его можно представить по-разному. Олег сделал своего лешего в виде сгорбленного старичка, даже с хвостиком. Руки у него длинные, пальцы крючковатые, вместо головы пушистая еловая шишка. Лохматый леший!

У Васи Сердюкова несколько работ. Лучшая из них «Поединок». Сделана она из коры, желудей и веточек. Другая Васина работа «Гитарист». Она тоже из желудей и веточек, только гитара из сосновой коры. Хорошие работы у Васи, только жаль, что он употребил конторский клей, от него на изделиях остались белые пятна. При работе с природными материалами надо пользоваться столярным или казеиновым клеем.

Третье место разделили между собой **Катя Земфирова** из Молдавской ССР и **Женя Пинчук** из Витебска. Катя очень интересно использовала для своих поделок древесный гриб — трутовик. Найдя подходящий по форме трутовик, она изобразила орла, сидящего на скале. Другая работа из трутовика — мышонок. И наконец — «Пешеход». Удачно подобранная веточка создает впечатление шагающего человека. Шляпка желудя напоминает тюбетейку, сдвинутую на затылок.

Работа Жени Пинчука называется «Зевака». По лесу идет охотник и не замечает зайчишку, притаившегося за пеньком. Игрушка забавная, с юмором! Вот только не следует работы из природных материалов раскрашивать и покрывать лаком. Естественный цвет гораздо приятней.

Много работ принесла ленинградка **Алла Птицына**, но только одна из них отвечает условиям конкурса. Это «Папуас». Он сделан из шишек, а украшен перьями. Фигурка очень эффектна. Остальные работы выполнены Аллой не из природных материалов и в счет не идут.

Большую посылку прислали школьники из Новой Ладоги. К сожалению, их работы плохо сохранились, так как были сделаны из овощей. Но в ящике мы обнаружили маленького паучка, выполненного из сухого цветка, репейника и двух красных ягод. Паучок чудесный, нам он очень понравился. Жаль только, что имя автора осталось неизвестным.

Хорошие работы прислали **Светлана Французова** из Костромы («Олень», «Индюк») и **Оля Либерт** из Тулы. Олина «Стрекоза» очень изящна и материал использован удачно.

Обо всех работах написать невозможно, но хочется сказать одно: все участники конкурса показали свое мастерство, выдумку и изобретательность. Ваши работы, ребята, будут показаны на городской выставке в Ленинграде. Победители конкурса награждаются премиями.

Педагог Ленинградского Дворца пионеров ***Анна Васильевна Ефимова.***

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Черпякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор *Ю. П. Мезерницкий*

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор *А. А. Двораковская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-45863. Подписано к печати 14/XII 1964 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 8+1 вкл. 6,56 усл. печ. л. 8.8 уч.-изд. л.

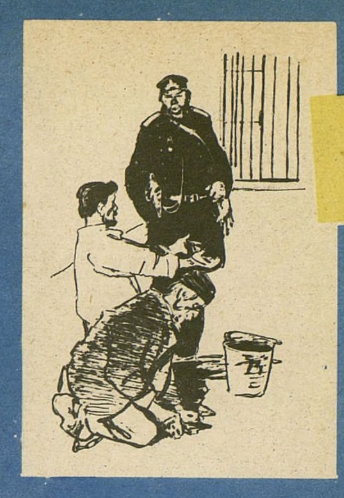
Тираж 300 000 экз. Заказ № 831 Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

— А это что такое?

БИБЛИОТЕКА
КОСти ТЕРки

— Так тебе, буржую, и надо!

А. Варшавский „Все, что выше материка“
Сергей Сутоцкий „Бедняга двадцать восьмой“
Юрий Яковлев „Письмо пионеров солнцу“
А. Вересов „Конец Русской Бастилии“
Муса Магомедов „Запоздалый дождь“

Эти книги вышли в издательстве „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ в 1964 г.

— Уважаемое солнце,

— Эх, с ним бы мне подружиться!..

НА КОНКУРС „КОСТРА"

Смотри страницу 64

Оля Смирнова, „Утенок"

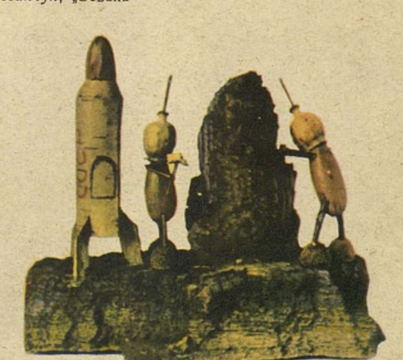
Женя Пинчук, „Зевака"

Люда Федосова, „Сплетницы"

Оля Смирнова, „Из лесу"

Алла Птицына, „Папуас"

Люда Федосова, „На Луне"

Оля Смирнова, „Лебедь"

Оля Смирнова, „Белка"

Вася Сердюков, „Поединок"